

Каменцевой Марии Алексеевне

Семнадцатого мая
две тысячи девятого года
президент США Барак Обама
убил муху

Глава 1

Незримый енк

— Мой дед вырезал «Калевалу» на рисовом зерне, — похвастался Хазин.

Второй роман так и не взлетел.

Когда восемь попыток первой главы были убраны в правый нижний угол рабочего стола в многозначительном сантиметре от корзины, я понял, что это от настоящего. Настоящее время должно смотрелось в «Пчелином хлебе» — особенно в экспозиции и в финале, оно изящно подламывало четвертую стену, сообщало тексту обязательную русскую глубину и напряженную европейскую округлость, шептало на ухо читателю, свойски подмигивало критику, рисовало между строками пространство и воздух, легкость; с зомби такие штуки не прокатывали.

Зомби категорически не желали действовать в настоящем, предпочитали прошедшее, иногда вынужденно смиряясь с будущим. Софья Романовна Спасская, ее бестолковая дочь Нюта, незадачливый, но уютный Нютин жених Савва с наивной признательностью впитывают ладонями тепло нагретых древним солнцем римских улиц, рассуждают об урожае девяносто шестого, ощущают на языке терпкие иглы бароло и одновременно упоительное сиротство в душе, они покорны умелой руке композитора; зомби же благодарны гораздо менее. Собственно, зомби вообще исключительно неблагодарны.

Чагинск, двенадцать тысяч жителей.

— Мой дед вырезал «Калевалу» на рисовом зерне, — повторил Хазин.

Пожалуй, врет, подумал я. Непременно врет. Рисовое зерно слишком мало, а «Калевала» все же объемная. На желуде, вероятно, можно.

— Почему именно «Калевалу»? — спросил я.

— Я же финн, — ответил Хазин.

У Чагинска нет даты основания. Краеведы, ссылаясь на раскопки стоянки «Ингирь-2», однозначно сходятся на уверенном домонголе, хотя в письменных источниках о поселении никакого упоминания найти не удалось, в годы же подъема Княжьего Погоста и Галича Мерьского удел сей был дик, безначален и пуст.

На картах Шуберта отмечено урочище Чаги, это первая половина девятнадцатого века. Тогда здесь располагались пост лесничего, будка смотрителя переправы, ямы дегтеваров и углежогов.

— Он начал работать на просяном зерне, но в процессе ослеп, — сказал Хазин. — Поэтому на рисовом. Оно хранится в музее Сольвычегодска, там отличный зал миниатюристики.

Врет, окончательно убедился я. Хазин неплохо врет, однако в музее Сольвычегодска нет отдела миниатюристики, я знаю.

На атласе Ильина обозначено уже село Чагино, а в записках путешественника Ухтомского, датируемых царствованием Александра Третьего, упоминаются церковь в этом селе, водонапорная башня при вокзале, грузовой двор и концессионная лесопилка.

В тысяча девятьсот восемнадцатом, когда Ярославль, Рыбинск и некоторые ходы Северных железных дорог оказались в очаге антибольшевистского мятежа, в Чагинске формировалась рота революционных путейцев и заседал Исполнительный комитет, в честь него впоследствии назвали новый постоянный мост через Ингирь, а в честь командира революционных железнодорожников Павла Любимова — улицу.

— Жарко, — заметил я.

В годы войны в Чагинске работал крупный оборонный завод и размещался лагерь военнопленных.

Хазин проверил пальцами подмышки, под правую сунул половинку газеты, прижал.

— Юморист Сергей Остапенко во время гастролей в Ростове поспорил с организаторами и в знак протеста справил большую нужду в раковину гостиницы, — прочитал Хазин из второй половины газеты.

— Неплохо, — согласился я.

Статус города присвоен в тысяча девятьсот пятьдесят третьем в связи с увеличением населения и в ознаменование военных заслуг.

— В Саранске местные сатанисты собирались инфильтроваться в областное Управление внутренних дел, — сообщил Хазин.

— Зачем? — не понял я.

— Не написано... Лично я склоняюсь...

Хазин задумался, достал из-под мышки газету, брезгливо скомкал, чуть подергивая носом.

— Думаю, это идиотократия. Я, кстати, знал одну сатанистку.

В семьдесят шестом Чагинск стал третьим по численности городом области.

Хватило страницы блокнота: на первое время информации достаточно, даже больше, чем требуется, я подчеркнул революционных путейцев и мост им. РИКа, обвел змейкой сторожку дегтеваров.

— В сущности, все идиоты, — сказал Хазин, отбросив газету на обочину. — Это факт, с которым не поспоришь, иначе нельзя. Тут действительно была избушка углежогов?

— Дегтеваров, — поправил я. — Или дегтярей. Углежог южнее, здесь дегтяри, здесь береза. Деготь делают из березы. Ты вообще знаешь, что такое деготь, Хазин?

— Деготь помогает... — Хазин понюхал пальцы. — Вроде бы от наружных болезней... А чага от внутренних... Тебе не кажется, что у дотторе Крыкофф кожные болезни? Он чешется все время, оглядывается, отряхивается как...

Хазин сбился, я не удержался и, секунду подумав, добавил:

— Как енот. Енот из контактного зоопарка имени Карла Линнея.

Хазин принял подачу:

— Утконос из бесконтактного зоопарка имени Карла Густава Юнга.

В принципе, неплохо, но не стоит усугублять, жарко, не надо форсировать, лучше попридержаться, и добавил:

— Шелудивых в Валгаллу не имут.

— Да, Крыкову помог бы деготь, — не услышал Хазин.

Он открыл кофр, задумчиво разглядывал и перебирал тяжелые объективы.

— Но местные дегтевары уже давно не те. — Хазин примерил на байонет широкий угол. — Я обошел центральные магазины — и нигде нет ни дегтя, ни вазелина, ни туфель с квадратными каблуками. Ты уверен?

— Да, думаю, здесь все-таки был центр дегтеварения, — сказал я. — Чагинский деготь славился в России и за ее пределами. Его экспортировали во Францию, сорок тысяч ведер ежегодно. Он получил вторую золотую медаль на Парижской выставке в номинации «Лучший креозот, олифа и деготь»...

— Погоди, запишу, — перебил Хазин, старомодно подышал на карандаш. — Лучший деготь в центральных губерниях производился именно в Чагинске... Ручку надо купить...

— Кто, кстати, изобрел деготь?

— В каком смысле? — теперь Хазин перебирал светофильтры.

Смотрел через них на меня: синий, желтый, антиблик.

— Ну кто конкретно принес его людям? — уточнил Хазин. — Прометей — огонь, Фарадей — электричество, а Бенардос — электросварку, братья Люмьер — кинематограф, а деготь? Кто придумал деготь?

С Бенардосом в прошлом году было легче, богатой судьбы человек.

Хазин сложил губы хоботком — чтобы получился сухой выдох, — сдул с холодного синего фильтра пылинку.

— Думаю, у дегтя безымянный изобретатель, — сказал он. — Джон До. Кузьма Кузьбожев. Безымянный изобретатель, но... Чагинский деготь отличался повышенными эксплуатационными качествами. А?

— Возможно, — согласился я.

— Несомненно... Слушай, а возможно, чтобы деготь изобрел наш Чичагин?

— Вряд ли, — сказал я. — Он все-таки адмирал. Ученый, культуртрегер, а деготь — это народная сила... Хотя...

Ломоносов умел и в рифму, и в закон Ломоносова-Лавуазье.

— Он мог его популяризировать, — сказал я. — Он же адмирал был. Наверняка этим дегтем пропитывались борта фрегатов, одержавших ту самую победу над шведами... или лучше над турками?

— ...Адмирал Чичагин — владыка дегтя... — записал в блокнот Хазин.

— Вычеркни, — посоветовал я. — Повелитель дегтя — это смешно, Хазин.

— Какая разница? Эти книги все равно никто не читает. Главное, чтоб под обложкой была фотография Механошина. А адмирал Чичагин, деготь, ерши... Всем на это плевать.

Хазин прав, плевать. И добровольно никто не читает. Дарят библиотекам и почетным гостям вместе с магнитиком, ежедневником и кружкой. А почетные гости забывают в автобусах, в аэропортах и на вокзалах. Такова незавидная участь локфика.

— Витя, в прошлый раз ты написал, что основателем Княж-Погоста был внебрачный сын Андрея Боголюбского, — сказал Хазин. — Никто и не заметил.

— Ну, теоретически...

Я попытался вспомнить историю, но вспомнил только то, что у Андрея Боголюбского имелись проблемы с позвоночником, что он отличался неукротимостью в мечевом бою, что, судя по его архитектурам, тяготел к прекрасному. Росту же был ниже среднего.

— Все-таки лишнего лучше не городить, — заметил я. — Здесь не тот случай.

Незавидная, но великая участь.

Хазин отмахнулся.

— Случай всегда тот, — сказал он. — Всегда. Вить, чего ты дергаешься-то? Материал кое-какой есть, городок вроде симпатичный — считай, полдела сделано.

Полдела да. Текст, правда, не идет, но это в локфике случается.

— Или это... — Хазин ухмыльнулся. — Старые раны болят? Дым отечества?

— Не болят, — ответил я. — И не дым. Поехали лучше.

Хазин повесил камеру на бок, завел двигатель, «шестерка», скрипя, двинулась по Типографской.

— Надо работать по обычной схеме, — рассуждал Хазин. — От славного прошлого к славному будущему. От дегтя к предприятию «Музлесдревк», от старой водокачки к новой водокачке. И не забываем ершей!

Хазин указал на плакат с гербом, украшающий стену типографии. Ерш на плакате выглядел весьма себе рококо. А Хазин пребывал в хорошем настроении.

— Мне кажется, что роль ерша у нас недооценена, — рассуждал он. — Собственно, вспоминается «Сказ о Ерше Ершовиче», ну и еще что-то там... А зря. С ершом можно в принципе работать. Хотя наш народ, конечно, больше любит мышь.

— Наш народ любит мышь? — удивился я.

— В широком смысле да. — Хазин притормозил, сделал несколько снимков холодным фильтром: гостиница, сбербанк, «Хозтовары», «Парикмахерская». — В том же противостоянии мыши и кота народ отождествляет себя, безусловно, с мышью. Мышь — это маленький человек, Акакий Акакиевич. Кот же — стихия насилия, власть, империум, погром. И народ едет в тот же Мышкин и с вызовом покупает красную глиняную свистульку, потому что народ — стихийный бунтовщик. Читай Пушкина, там про заячий тулуп и мосье Швабрина.

Уолт Дисней, подумал я. Швабрин, кажется, сволочь, после обеда Хазин, случается, утомителен.

— Тогда покровитель Мышкина — Уолт Дисней? — спросил я. Хазин задумался, проверил вспышку, двинулся дальше.

— Надо, кстати, подкинуть им идею, — рассуждал Хазин, руля. — Пусть мышкинская мэрия бьет челом в «Маус Хаус», как там... «не растекаясь мышью по древу, вычерпнет Дон своими шеломами...».

Я с сомнением хмыкнул.

— Только не говори, что по древу можно растекаться мышью, — сказал Хазин.

— Но и мышью тоже растекаться нельзя, — возразил я.

— Мысью как раз можно. Знаешь, есть такие лесные древесные мыши, мелкие, но чрезвычайно шустрые, меня такая в детстве укусила... Мысь, короче. Слушай, я понял! В русской культуре нет сказок про мышей!

— И что?

Заныли зубы и голова. Хазин не унимался.

— И вот почему. Мышь — безусловный носитель протестантской парадигмы, — вывел Хазин. — Несколько отстраненный элемент, чуждый. Мышь крадется вдоль стен и крадет зерно, мышь распространяет инфекции, мышь грызет проводку бомбардировщика «Максим Горький», мышь — безусловное зло. Но нам почему-то многие годы внедряли ее позитивный образ...

— Хазин, — попросил я. — Ты противоречишь сам себе.

Нет, он не унимался:

— Ерш напротив — явный государственный, он выступает прямо и гордо, с открытым забралом! Я думаю, нам надо это подчеркнуть!

— Не надо, Хазин, — попросил я. — Не надо.

— Почему?!

— Ты же не знаешь, кто на самом деле книгу заказывал, да? А может, ее протестанты заказывали?

— Это Механошин-то протестант?! Ты его рожу видел?

Хазин наблюдателен.

— Механошин, может, и не протестант. Но вряд ли книгу заказывал именно он.

— Думаешь, Светлов? — тут же зацепился Хазин.

Я промолчал. Теоретически мог и Светлов.

— Ладно, — согласился Хазин. — Но я бы на твоём месте об этом подумал...

— А как быть с чагой? — спросил я.

— Чага — второй камень, на котором зиждется здание чагинской истории. Здешняя чага — самая лучшая. Чага от чего, кстати?

— От всего, — сказал я.

— Я так и знал.

Хазин попилил ногтем зуб и добавил:

— Тут у них День города скоро.
— И что?
— Может, я свалю, а? Домой сметаюсь на денек. Сам знаешь, я эти карнавалы не очень...

— Надо будет поснимать, — возразил я. — Для книги может пригодиться.

— Поснимай сам, Вить, это не сложно, знай дави на кнопку!

— Не, я один отдуваться не собираюсь.

Хазин принял к обочине и затормозил, скептически сфотографировал нарисованную женщину в окне «Парикмахерской».

— Твой дед вырезал «Калевалу» на рисовом зерне, а ты соскочить хочешь?

— Буквально на три дня! Витя! Устал, честно! Носимся как бобики же...

Я с Хaziным был отчасти согласен, проект разворачивался сумбурно и бестолково, но с Крыковым всегда так. Много пафоса, беготни, нелепых скачек и диких идей, но результат, как правило, вполне.

— Мне несколько непонятно, куда качать? Куда мессир Крыков ведет нашу плоскодонку?

— Хазин, не мельтеши, — посоветовал я. — Собирай материал. За тобой фото, за мной текст, все просто.

Мы сидели в машине на углу Типографской и Любимова под шелудивой акацией, в пестрой тени, в масляном запахе желтых цветов. В восемь лет я нарвал таких кружку с горкой и съел, зачем — не вспомнил, кажется, на спор с Федькой, потом меня тошнило рыжим.

Типографская зарастала, сирень разошлась вдоль заборов, подъела тропки и подбиралась к асфальту, хлопала проезжающие машины кистями, но не пахла — год акации. Мне нравилось это место. Раньше здесь стоял ларек, в нем принимали стеклотару и продавали лимонад, сейчас пустырь. То есть плешак, засыпанный кочегарным шлаком. Удобно сидеть и смотреть: по Центральной едут в мэрию, по Любимова за РИКовский мост.

— Думаю, надо качать от обороны, — предложил я. — Наш сабж — один из символов обороны страны, а здесь, в Чагинске,

работал снарядный завод. Здесь реально ковалось оружие победы. Без сомнения, это неслучайно. Можно сказать...

Я потер виски: с ходу не придумывалось, чертов Хазин инфицировал голову «Калевалой» на рисовом зерне, я пытался отогнать этот образ и мысль: на каком именно — длиннозерном или кубанском?

— Можно... Здесь, кстати, до сих пор военные склады расположены, там, на другой стороне.

— База?

— Да какая база, старье всякое догнивает. Если...

— А если им новый герб предложить?! — вдохновился вдруг Хазин. — Вот так, примерно...

Хазин быстренько набросал в блокноте макет.

Озорная рыбка, похожая на ерша. Над рыбкой выпуклый холм и город на нем. Над холмом боевая перчатка.

— Как?

— Надо еще поработать, — посоветовал я. — С одной стороны перчатка словно пытается сграбастать город, а с другой — будто показывает зрителю дулю.

— С перчатками вообще сложно, — заметил Хазин.

— Работать надо. И почему именно рыба в центре? Где чага, где шестеренка?

— Чагинск — столица русского ерша, — сказал Хазин. — Так говорил... Аксаков?

— Сабанеев, скорее. «Столица ерша», кстати, двусмысленно. А нам надо, чтобы без возможных толкований. И зачем нам ерш, мы ведь договорились — столица чаги. Это исторически верно.

— И про ерша верно, — возразил Хазин. — Здесь водились самые крупные и жирные ерши.

— Но город-то Чагинск?!

— Что-то я запутался, — поморщился Хазин. — Предлагаю на сегодня закругляться.

— Согласен. Надо зайти... Бросить взгляд. Не побоюсь этого слова, простереть.

Я, в принципе, был весьма не против простереть — на утренней летучке Крыков сдержал слово и выплатил аванс.

Мы поехали в десятый, остаток дня сильно сократился.

Через четыре часа я сидел в номере безымянной гостиницы на втором этаже и швырялся в окно закисшей черешней, целясь в машину Крыкова. Хазин пытался делать вид, что работает — фотографирует сумерки над Ингирем, мультяшные силуэты железнодорожных кранов над грузовым двором, редких прохожих и собак. Крыков на крыльце первого этажа брэнчал на гитаре и рассказывал барышням анекдоты. Я старался не думать.

Когда черешня кончилась, я вернулся в номер и попробовал спать. Я почти справился, но за полшага до рэм-фазы дернул ногой, уперся лбом в стену номера, зашпатлеванную рыхлой известкой, чихнул, втянул пыльный воздух и дальше чихал долго, растирая нос и глаза; остановился, задержав дыхание. Начал отсчет. На семидесятом в дверь начали стучать, я открыл. Явился сам Крыков.

— Не плачь, малыш, грозы не будет, — сказал он.

Крыков вошел в номер, уселся на пустую койку.

— Получается дерьмо, тебе не кажется? — спросил Крыков. Я уклончиво не ответил.

Крыкова сегодня не полюбили смешливые барышни, и он пребывал в некоторой тоске, жаловался на местную дичь и на уroda, закидавшего его машину тухлым компотом, и на то, что жадность, безусловно, порок; если бы не жадность, он сейчас отдыхал бы себе в Тунисе, а не блуждал в этих пустынях как пес и лошара, а тут, между прочим, странная атмосфера, на первом этаже магазин «Мотоблок и дрель», косметический салон, зубной кабинет «Пульпитто» и похоронный центр «Николай», у Крыкова скверные предчувствия.

— Да нет, не чувствую, — возразил я.

— Нашим проектом заинтересовались, — сказал Крыков, скрипя пружинами.

— В области?

Крыков помотал головой.

— Это плохо, — он закурил. — Я не люблю так работать, не люблю... Возможно, подготовку стоит форсировать.

— А кто именно заинтересовался? — осторожно спросил я.

— Вы были в музее? — не ответил Крыков.

- Нет пока. Полагаю, не стоит форсировать...
- Завтра посетите, — перебил Крыков. — Там много интересного... Форсировать... может, и форсировать. Да, праздник — это главное, но и книга нужна... Ах, Витя, в местной администрации одни неразбавленные идиоты...

Крыков жаловался полчаса, выпил всю воду из графина, надымил и удалился, напомнив, что завтра совещание у мэра и мы должны предъявить хоть какой-то результат.

Из-за Крыкова и известки я не смог успокоиться, пришлось запустить ноутбук и править первую главу «Чагинск в VIII–X вв.», стоянка «Ингирь-2», шнуровая керамика, твердый домонгол; смотреть клипы, ожидая, пока не закинут глаза. Это помогло, около двенадцати удалось уснуть.

Проснулся я поздно и в неожиданно хорошем настроении, что мне понравилось не очень, в сумерках известка и Крыков, а утро вдруг вечера мудренее и в холодильнике бутылка минералки.

Я открыл минералку. Хорошее настроение с утра — дурной знак. Настроение, утро и солнце, желание поработать — определенно стоило быть осторожным, основательно призадуматься. Опыт утверждал, что просыпаться стоит с отвращением, заканчивать день безнадегой, а жизнь от утра до обеда совершать кое-как. Особенно работать. Спустия рукава, из-под палки, в лес не убежит, дураков любит, я давно заметил — если работа начинала приносить хоть некоторое, пусть самое небольшое удовольствие, она тут же заканчивалась. Так что к хорошему настроению я отнесся без энтузиазма.

Ситуацию несколько скрашивал хозяин магазина «Мотоблок и дрель», с утра у него были покупатели и на первое и на второе, и он демонстрировал достоинства своих приборов во дворе. Мотоблок стрекотал, дрель визжала, я чистил зубы. За две недели, что мы прожили в гостинице, ни утра без дрели, бензопилы, мотоблока и триммера не обходилось. Дела в магазине явно шли хорошо, народ запасался инструментом, я сам стал раздумывать, не купить ли какой-нибудь инструмент или прибор? Мне нравились сварочные аппараты, они походили на де-

корации фантастических фильмов из детства; кроме того, сварочный аппарат мог пригодиться в хозяйстве.

Я закончил туалет, налил воду в литровую банку, запустил в нее кипятыльник и стал стучать о край стола слежавшимся кофейным брикетом. Заметил записку под дверь.

Хазин сообщал, что он проснулся рано и отправился в библиотеку, и там будет ждать, надо же и поработать немного. С последним я согласился, поработать пора; я размягчил кофе, набрал полгорсти, засыпал в банку.

Сам кофе дрянной, а вода, напротив, хорошая: бурда на выходе получалась не безнадежной, по утрам мне с обреченностью казалось, что я начал к ней привыкать.

Я дождался, пока кофе заварится, добавил сухих сливок, размешал.

— Работа и труд рядом идут, — сказал я. — Труд кормит, лень портит.

Я устроился на подоконнике, стал пить кофе, перехватывая горячую банку то левой, то правой.

Улица Центральная. Через дорогу сутулый дядька прилаживал к стене Дома быта новую вывеску — «Чагинск-Ренессанс».

«Чагинск-Ренессанс» принимает от населения клюкву, грибы сушеные и свежие, живицу сосновую, волосы, ногти майора, кожу майора, уши пробойные, печень маркшейдера, сейчас проедет синий «Иж-4», за рулем мужик в шлеме мехвода и толстая баба с корзиной в люльке, раз, два, три...

Проехал серый «Иж-3» без бабы.

Я с сожалением отметил, что стал неплохо разбираться в маленьких городках, в клубах, Домах быта, повадках жителей, в архитектуре общественных мест.

— Утром труд — в обед унштрут, — сказал я, вышел из номера, спустился на первый этаж.

В холле гостиницы пахло бензином из магазина инструментов и мокрыми волосами из парикмахерской; парикмахерша Алена предлагала мойку головы за пять рублей, маникюр за двадцать, модельную стрижку за пятьдесят — я третье утро подумывал сделать стрижку за пятьдесят. И сварочный аппарат непременно. Алена ничего так. В будке администрации никого.

На крыльце гостиницы курил хозяин «Мотоблока и дрели», на перилах лежала аккуратная компактная бензопила, лезвие было перепачкано зеленью.

Мотоблоков, подумал я. Я встречал Батарейкина, Отверткина, Велосипедова, почему бы не быть фамилии Мотоблоков?

— Ну что, когда объект сдадите? — спросил Мотоблоков.

— В пятом году планируем, — ответил я. — Триффида раз-делал?

Я указал на лезвие пилы.

— Да так, слегонца... Слушай, а правда, что самолетный за-вод будет?

Я потрогал зеленую кашу на пиле.

— Да, — сказал я. — Самолетный. Развиваем малую авиацию.

— «Кукурузники», что ли? — усмехнулся Мотоблоков.

— «Сессна», — поправил я. — По лицензии будем строить.

— Да кому они нужны-то?

Триффид пах укропом.

— На экспорт, — ответил я. — В Америке каждый пятидеся-тый водитель имеет авиационные права. Это перспективно, за этим будущее.

Я спустился по ступеням и направился в сторону библиотеки.

— Я тоже в Москве работал, — посочувствовал вслед Мото-блоков.

Сварочный аппарат — неплохая идея, но в жизни есть место и болторезу.

Библиотека от гостиницы в двух кварталах, я успел допить кофе, взболтать гущу, заглянуть на дно и убедиться, что буду-щее по-прежнему туманно. Успел встретить пожарного, записать в блокнот идею и вырвать листок, встретить еще одного пожар-ного, успел подумать про отпуск; под окнами библиотеки жел-тела хазинская «шестерка».

Я вошел в библиотеку. Здесь было по-летнему пусто и, как в садике, пахло манной кашей.

— Здравствуйте!

Никто не ответил, я поднялся на второй этаж и толкнул дверь с табличкой «Справочная литература».

Хазин нервно раскачивался на железном стуле, читал. На соседнем стуле лежала «История Северной Руси», пожелтевшая, я помнил, третий курс, пересдача. Сел в кресло у подоконника и стал читать брошюру про местные целебные ресурсы: эндемичные травы, реликтовую кембрийскую грязь и минеральную воду — в шестидесятые здесь собирались возрождать бальнеологический курорт.

Иногда Хазин отрывался от своей брошюры и смотрел в окно, щурился, нельзя было понять, думает он или делает вид. Я прочитал про голубые глины и сказал:

— Крыков вчера скользил.

— Крыков и мне не нравится, — ответил Хазин. — Он явный стукач и сука.

— Да... А кто не стукач?

Хазин промолчал.

— В библиотеке, кажется, никого нет, — заметил я.

Хазин сорвался:

— В некоторых библиотеках посетителей много, в других их нет вовсе. В некоторых библиотеках есть отдел «Справочной литературы», в других он совмещен с отделом прессы. В одних имеется «Библиотечка агронома», в других она отсутствует. Бывает, библиотеки выкрашены в зеленый цвет, бывает, обшиты сайдингом. Отдельными библиотеками заведуют грузные тетki, другими целеустремленные девушки. Бывает, библиотеки расположены в клубах, бывает, в пятиэтажках...

Склонность Хазина к логорее есть крайне полезное качество в создании локфиков про славное прошлое и кипучее настоящее малых городов Нечерноземья. Если со мной приключался жесткий райтер-блок, я спускал с поводка Хазина, и тот на шоколаде и энергетиках легко вытягивал две-три главы. Впрочем, случалось, что Хазин болтал интересно: как каждый хороший фотограф, Хазин умел замечать. Например, он сразу сказал, что железный стул аптечного происхождения — инвентарный номер и загадочный штамп ГЗО, и если пригнуться к спинке, слышен спирт и аспирин, а кресло, видимо, почтовое.

— ...Есть библиотеки, которые посещал Гайдар, но больше тех, где он не бывал ни разу. Есть библиотеки с печным отопле-

нием, есть с кочегарками во дворе. Библиотеки с большим подвалом и библиотеки с винтовыми лестницами. Случается, что в них сохранились фонотеки, старые пластинки, кассеты и даже бобины...

Но сегодня хазинский треп раздражал, я старался не думать о библиотеках, у меня «Калевала» еще не вытряслась.

— ...И во всех библиотеках есть некая общая составляющая, нечто архетипическое, восходящее, пожалуй, к Античности, возможно, к позднему Средневековью...

Не думать не получалось — на втором этаже городской библиотеки Чагинска было слишком много библиотеки: стеллажи с пожелтевшими словарями и кособокими энциклопедиями, журналы «Наука и жизнь», сваленные вдоль стен и проросшие плесенью весенней капели, столы, отполированные локтями читателей, запах прелой бумаги... я прежде не предполагал, что бумага имеет столько оттенков. Наверное, старые библиотекари легко отличают по запаху Достоевского от Марка Твена, «Технику молодежи» от «Здоровья», «Труд» от «Сельской жизни».

— Эй!

Я очнулся, посмотрел на Хазина.

— Меня, если честно, настораживает участвующая повторяемость, — сказал Хазин. — Это не есть хорошо.

Два пожарных.

— Пожалуй...

— Все дело в том, что с утра я думал о клещах и библиотеках. Знаешь, я проснулся в своем номере, и вдруг такое солнце...

Хазин замолчал и вернулся к брошюре.

— Вопли местных краеведов нередко забавны, — сказал он через минуту. — Вопли-с, вопли-с, та-та-та, жизни нету ни черта...

Снова захотелось кофе. В библиотеке имелся кофейный набор, однако кофе здесь был растворимый, цвета торфа, один раз я рискнул.

— Жизни нет, — повторил Хазин. — И денег нет. Как думаешь, станцию «Мир» действительно затопили?

— Искал бы по делу, — посоветовал я. — Краеведение на третьей полке.

— При чем здесь краеведение? Я же говорю — вопли-с. Исключительно местные кудеяры, Витя. Мы же оба отлично понимаем, что...

Хазин замолчал, начал прислушиваться.

Печатная машинка.

Я представил почему-то Скотта Фицджеральда. Одинокого, позабытого, больного. Сочиняющего в Пасадене книгу про историю Пасадены.

Хазин вздохнул, стал похлопывать брошюрой по колену.

— Когда я учился по глупости в «кульке», у нас этнографию преподавал профессор Пименов, мерзкий такой вурдалачек. Так вот, он рассказывал...

Хазин опять замолчал и прислушался.

— Этнография — продажная девка империализма, — сказал я на всякий случай.

— Подержи-ка, — Хазин сунул мне брошюру. — Я сейчас...

Хазин несколько секунд страстно пинал батарею.

Пишущая машинка стихла.

— Это Глашка стучит, — Хазин удовлетворенно кивнул. — Сочиняет роман. Я ей сказал, что современной прозе нужна молодая кровь.

Повторение.

Возможно, Хазин прав.

Из брошюры выпал трогательный кленовый лист, я не удержался и поднял его с пола. Гербарий.

— Так вот, профессор Пименов рассказывал иную историю, несколько отличную от нашей. — Хазин отобрал брошюру, свернул в подозрительную трубу и посмотрел в окно. — Как-то раз адмирал Чичагин, значит, шагал по улице...

Хазин навел на меня трубу.

— Это в Гатчине было... или... в Ораниенбауме...

Он дотянулся до энциклопедии, до буквы «И», снял том и определился, что Изборск.

— Так вот, — продолжил Хазин. — Шагал он по улице Изборска, а навстречу ему некий бык. Крупный такой бычара, пегой масти, раз — и встал поперек дороги. Тогда адмирал схватил быка за... За повсеместную нашу, одним словом. И...

Хазин с выразительным чавканьем сжал кулак.

— И вырвал с корнем.

— Бродячий сюжет, — заметил я. — Про тавромахию слышал? Там тоже с быками баловались. Кто рог вырвет, кто... струю. Такое бывало.

— Опять все украдено до нас? — покривился Хазин.

— Еще древними греками.

— Жаль.

Хазин не удержался, бросил брошюру, поднял камеру, сделал несколько снимков из окна. Автомобильный мост, «Культтовары», велосипедист.

— Клещи наступают, — сказал Хазин. — Ареал распространения неуклонно сдвигается к западу. Выхода нет.

Первое после знакомства время я сильно подозревал понты — камера у Хазина была наглядно недешевая: тяжелая зеркалка, круглый горб пентапризмы, дополнительный блок питания, толстый объектив с красным ободком, бленда; все уважали сначала камеру и только после замечали за ней самого Хазина. Камера стрекотала с пулеметной скоростью, и окружающие немедленно смотрели на нее, ну и на Хазина немного. Пользовался аппаратом Хазин слишком часто, фиксировал улицы, пейзажи, лица и некоторые непонятные для посторонних предметы, пространства и сцены: ржавую монетницу, выгоревший на солнце дорожный знак, свадьбу жуков-пожарников, улицу, вывески, стенд «ГИБДД предупреждает», «Мотоблок и дрель». Каждую вторую паузу в жизни Хазин заполнял фотографией. В книги эти фотографии не попадали, но Хазин твердо намеревался составить из них летопись собственной жизни.

— Нужна зима, — сказал Хазин. — Три зимы хорошего мороза — и клещи вымерзнут от голода в своих берлогах.

Он забросил брошюру на стеллаж и достал следующую из толстой стопки под подоконником.

— «Миф и народная культура Северо-Запада: опыты анализа», — прочитал Хазин. — Опыты, то, что надо... Да брось ты эту энциклопедию, ничего там нет, кури лучше подшивки, там смешнее.

Я отложил энциклопедию и взял подшивки. «Чагинский вестник» с девяноста пятого, «Советский путь» с пятьдесят девятого, до этого «Сталинский сплав» с тридцать четвертого, до этого газеты в Чагинске не издавались.

До тридцать четвертого был железнодорожный разъезд, станция, водокачка и грузовой двор с пакгаузом, производство льна, лесоматериалов, дегтя, смолы. Поселок, около трех тысяч человек. В тридцать четвертом поставили военные склады и снарядный завод, открыли газету, рынок, клуб и кинотеатр, завели механические мастерские. Под железнодорожным мостом поймали трехпудового сома, в клубе основали народную самодеятельность. Которая, если верить районке, впоследствии неоднократно побеждала на областных смотрах.

— Почему, кстати, «сплав»? Литейное производство? Шкворень-муфта-колосник...

Хазин сбился, вспоминая литейный ассортимент. Я предполагал, что Хазин скажет «заслонка», но Хазин не признавал банальностей.

— Цапфы, — сказал Хазин.

— Возможно, — согласился я. — Но тут не было литейки, здесь была сплавная. Организовал некий...

Я дотянулся до стеллажа, снял книжечку «История земли Галичской», страница семнадцать.

— Некий Стефенс, — закончил я. — Шведский бизнесмен, в девятьсот третьем году завел здесь пилораму с паровой машиной, поставлял тес и брус...

— Сто лет прошло, а брус и ныне там.

— В Чагинске сходятся три реки, а вокруг сосновые леса, с точки зрения логистики даже сто лет назад здесь было легко устроить... хаб.

— Шкворень и хаб, — сказал Хазин. — Я в школе учился с мальчиком, он панк-группу сколотил, по поминкам бомбили. Так ее и назвал: «Шкворень и Хаб». Или «Хаббл»... Не помню...

— Пусть с ним, ты по теме что нашел?

— Немного. Вот, посмотри.

Хазин протянул книгу:

— Там закладка.

Закладка из стержня шариковой ручки, на странице очеркнут абзац. Я прочитал.

Засечная черта. После первого удара тридцать седьмого года некоторая часть отряда... разошлась по рекам бассейна Унжи, грабя городки и поселения и проясняя путь на север, в новгородские земли. Когда волна схлынула, уцелевшее местное население во главе с Галичским князем решило сделать будущие набеги затруднительными.

— ...В дремучих мерьских лесах между высокими каменистыми гривами и полноводными озерами протянулась засечная черта. Мастера-засечники создавали надежный заслон продвижению орды, и это приблизило окончательное падение ига и позволило сохранить русскую государственность. Примерно так.

Хазин закончил читать. На первом этаже снова защелкала пишущая машинка.

— Ну? — спросил Хазин. — Засечная черта, мастера-засечники, державное единение народа с исполнительной властью?

— Пожалуй, — согласился я. — Засечники — это хорошо... Ах ты!

Хазин подскочил со стула — из-за косяка двери на уровне человеческого роста выставилась широкая и желтоглазая кошачья морда. Хазин быстро схватил камеру и сфотографировал. Потом сказал:

— Аглая, не прячься, я тебя вижу.

Возникла мрачная девочка Аглая с котом на плече. Машинка на первом этаже щелкала.

— А я думал, что ты роман сочиняешь, — сказал Хазин. — А ты, мейн-кун, оказывается, рыщешь.

— Вас бабушка зовет, вам там звонят, — ответила Аглая.

Хазин достал телефон, я полез за своим.

— Вам на зеленый звонят, — презрительно хикнула Аглая. — Внизу, идите.

Я бухнул энциклопедию на подоконник и пошагал за Аглаей.

Кот лежал у Аглаи на плече и смотрел на меня тоже с презрением, я показал ему язык.

— Аглая, когда к вам в город мобильную связь проведут? — спросил я.

— Никогда, — ответила Аглая.

Глаза у Аглаи красные — читает много, в левом глазу сосуды полопались и слились в яркое красное пятно.

— Почему же не проведут?

— Батюшка не велит, грешно это.

Аглая поставила кота на перила и быстро сбежала по ступеням.

Я вниз лестницу не любил, она была необычайно крута, а ступеньки узки, так что вверх еще кое-как, а вниз приходилось идти, держась за перила. Но теперь на перилах стоял кот, так что мне пришлось опираться на стену, кот сопровождал. Интересно, как в засечные времена обходились с котами?

Кабинет заведующей располагался от лестницы направо, кот замешкался на перилах, а я нет: быстро шагнул к двери, толкнул плечом.

Аглая уже сидела на коробках с надписью «В отдел комплектации» и изучала свежий музыкальный журнал, я посмотрел на нее выразительно и указал пальцем на дверь, Аглая косо ухмыльнулась и осталась на коробках.

Ладно.

Я взял зеленую телефонную трубку, она была сальной, пахла дымом, и на другом конце оказался, разумеется, Крыков.

— Это ты, Витенька? — догадался он.

Я сосчитал до пяти. Еще неделю назад обходился счетом до трех, но Крыков прогрессировал. Мерзкая привычка — угадывать собеседника скорее, чем он произнесет первое слово.

— Как дела? — поинтересовался Крыков. — Хазин там? Отлично. Работаете?

Карл Густав Юнг. Проходил на счастье мимо.

— Работаем, — сказал я.

Крыков хихикнул.

— Значит, так, к двенадцати подъезжайте к мэрии.

— Вроде бы мы собирались в музей...

— К мэрии! — оборвал Крыков. — Быть обязательно! Надо... уточнить детали. Короче, не опаздывайте, Механошин не в духе.

Крыков отключился. Я положил трубку на аппарат.

Дверь отворилась, в щель протиснулся кот, быстро пробежал через кабинет, запрыгнул в кресло. Аглая принялась чесать кота за ушами и теревить мохнатую шею, приговаривая:

— У, какую холку наел, бестолочь. Папка из тебя валенок-то понаделает, будет в чем пролетариям зимой пройтись...

Я собирался выйти, но остановился на «пролетариях» и «пройтись». Впрочем, Аглая была безжалостна.

— Суффикс «еньк» в обращении свидетельствует о крайне низком социальном статусе своего носителя, — сказала Аглая, я оценил, но оставлять удар без ответа не собирался.

— Аглая, а ты тоже всю жизнь будешь работать в библиотеке? — сочувственно спросил я.

— Да не, буду дерьмовые книги сочинять.

— Понимаешь ли, Аглая, литература — это серьезное занятие, требует большого самоотречения. Прежде всего надо избавиться от глистов.

И вышел.

Хазин уже спустился со второго этажа и беседовал в коридоре с заведующей библиотекой. Нина Сергеевна внимательно слушала и опасливо косилась на камеру на груди Хазина.

Хазин не стеснялся.

— Понимаете, скоро год как миллениум на дворе, но мы катастрофически отстаем. Я был в Мюнхене, в Баварской государственной библиотеке, там все устроено не так. Там библиотека не книжный склад, а место встречи, городское пространство общения и содружества, клуб, если хотите! Там книги не выдают, а берут с полки, там можно съесть пирожное, выпить кофе...

— Да, — согласилась Нина Сергеевна. — И нас через два года обещали подключить... но пока еще не подключили. Но два компьютера есть, принтер и ксерокс, вы можете пользоваться в любое время. Здравствуйте, Виктор!

— Здравствуйте.

Из кабинета заведующей показалась Аглая с новенькой книгой и направилась потихонечку в сторону читального зала. Мне подумалось, что книга похожа на кота, такая же толстая и с вредным характером.

— Глаша, ты бы погуляла лучше, — сказала Нина Сергеевна. — У тебя и так глаза все полопались, операцию делать придется...

Аглая замерла, съежилась, точно в спину ей угодил дротик, затем медленно отправилась по коридору дальше, держа книгу перед собой.

— Никого не слушает, — покачала головой Нина Сергеевна. — Ни меня, ни мать, ни отца. Читает как ненормальная...

— У самого четверо, — посочувствовал Хазин. — Что за поколение, оторви да брось, акселераты...

Нина Сергеевна поглядела на Хазина с оторопью.

— Крыков звонил, — сказал я. — В двенадцать совещание.

Хазин кивнул, забрал объектив крышкой и направился к выходу. Хазину тридцать; кажется, он жил с мамой в пятиэтажке, в наличии детей я сильно сомневался, жены не было точно.

— Нам пора, — объяснил я. — Важное совещание в мэрии.

— Понимаю. Вполне понимаю. У нас ведь тут суматоха, готовимся к Дню города. Летом по отпускам все, а праздник скоро...

— Праздник — это хорошо.

Я пожал заведующей руку и поспешил за Хазиным, но Нина Сергеевна успела поймать меня за локоть.

— Виктор, минуту не уделите? — попросила Нина Сергеевна.

— Попробую...

— Я слышала, что вы интересовались жильем? — негромко спросила она.

Я жильем не интересовался, но возражать не стал.

— Недвижимость, безусловно, подорожает, — утвердительно сказала Нина Сергеевна. — Она уже сейчас дорожает.

— Везде дорожает, — согласился я. — Экономический подъем.

— Да-да, конечно, подъем... Я слышала, на предприятии будет работать больше тысячи человек?

Я многозначительно промолчал.

— А поселок для рабочих, он... за РИКовским будет?

— Планируется два поселка, — сказал я. — Один для рабочих, другой для руководящего состава.

— Да? А если предположить...

— Извините, нам еще в керосинку сегодня, — перебил я.

Нина Сергеевна растерялась, а я вырвался.

Хазин успел забраться в машину и гонял тюнер, ловил скрипы и шорохи, короткие волны до Чагинска не долетали.

— Засечная черта — это хорошая идея, — сказал я.

И сел рядом с Хазиним.

— Надо, пожалуй, начинать по-нормальному работать, — продолжил я. — Время идет, мы стоим.

— Спорный вопрос и методологическое заблуждение. Человечество упорно воспринимает время дискретно, однако это ошибка. Время никуда не идет, его вообще нет...

— Вот об этом расскажешь мэру, — перебил я.

Хазин не стал спорить, повернул зажигание, сразу воткнул заднюю, передача недовключилась, но Хазину было плевать, он с визгом выставился поперек улицы, затормозил и стал нащупывать первую. С первой, как и с задней, у Хазина всегда проблемы. Это от того, что пальцы Хазина привыкли к кнопкам на камере, мелкая моторика одержала сокрушительную победу над крупной.

В салоне запахло паленым сцеплением, Хазин дергал ручку и в итоге попал на третью, после чего решил не мучиться и тронулся с нее. Чтобы меньше воняло, Хазин потер елочку.

Чагинск тянулся вдоль железной дороги с обеих сторон: с северной поднимаясь на холм и спускаясь к Ингирию, с южной упираясь в болота между Нельшей и Номжей.

Мэрия располагалась в конце Любимова, недалеко от библиотеки, но Хазин не любил ездить по прямой. Он сворачивал на первом перекрестке, по четным направо, по нечетным налево, и мы начинали пробираться к мэрии, складывая из городских кварталов замысловатый тетрис, каждый раз желательно новый. Хазин объяснял эту геометрию желанием увидеть город в максимальном объеме, мне было все равно, я и так знал эти улицы. Они мало поменялись за десять лет, деревья подросли, на некоторых домах появились тарелки, другие дома опустели. Опустевшие вызвали в Хазине интерес, он притормаживал и фотографировал. Холостые в «шестерке» заметно плавали, поэтому ногу с педали Хазин не снимал, фотографировал и добавлял газу, отчего мне казалось, что между камерой и двига-

телем есть связь: обороты вверх — длинный фокус, обороты вниз — короткий.

— Опоздаем, — сказал я. — Двадцать минут осталось.

Хазин не ответил, наличники на углу дома Рабочей и Сиреневой, видимо, стояли длинного. «Шестерка» заглохла.

— Однажды я был в библиотеке, в которой располагался штаб Колчака, — сообщил Хазин.

— И что?

— Колчак коллекционировал наличники. Когда он стоял в Омске, то велел со всех окрестных сел свезти резные наличники...

Завелись, поехали дальше. Хазин рулил и болтал про Колчака, который коллекционировал еще прялки, и колесики от керосиновых ламп, и челноки от ножных машинок «Зингер». Я не слушал, смотрел по сторонам.

Все же Чагинск изменился. Вывесками, я не мог отделаться от привычки цеплять и оценивать вывески. Пятый магазин был теперь «Криолитом», Восьмой — «Лидией», Железнодорожный стал «Эдельвейсом», в старом общежитии профтехучилища обособовалась «Экстра», в гараже пожарной части осваивался «Мотоблок и дрель 2», в бывшем обувном играла «Мормышка».

— ...хобби у него такое было — немного прясть. Это после Самарканда...

Зарослями. Акация, сирень, вишня и терн, ирга и черемуха разрослись и смяли улицы и тропки, тянувшиеся вдоль заборов, и кое-где завалили сами заборы; центральные улицы еще сопротивлялись флоре, окраинные и поперечные сдали и стали похожи на зеленые туннели и тупики.

— Так вот, там кабинет директора абсолютно не изменился со времен Колчака, а на косяке сохранился отпечаток его ладони — властитель Омский вляпался в свежую краску...

Пылью. Ее стало больше, и значительно. Раньше она держалась в нижней части города, вдоль железной дороги и старых карьеров, сейчас поднялась заметно выше, до Школьной, а по утрам протягивалась поперек Советской. За время, проведенное в Чагинске, «шестерка» нахлебалась пыли, которая теперь скрипела под резиновыми ковриками и хрустела под стеклами.

ми. Хазин, чей дед выцарапал «Калевалу» на рисовом зерне, утверждал, что это от эрозии. Вода и ветер постепенно вымывают почву из-под холма, перемалывают песок, и пыль захватывает мир.

— Приехали, — сообщил Хазин. — Витя, очнись, мы дома! Приучаемся к горшку.

Мэрия находилась в процессе активной реконструкции. Правая часть здания белела свежей штукатуркой, вокруг левой рабочие ставили леса, вдоль улицы пирамидой лежали толстые черные трубы. Мордой к трубам машины. Хазин припарковался с краю, не удержался и сфотографировал мэрию сквозь трубу. Я отметил, что сделал он это в четвертый раз за неделю.

— Кто-то новенький, — Хазин указал на веселенький синий пикап. — Номера Мособласти, столичный хмырь пожаловал, будет жизни учить, такие всегда учат...

Хазин сфотографировал машину.

— ...Крыков юлит... — нервничал Хазин. — Слепому ясно, что делать надо, а он марш физкультурников затевает...

— Крыков отдельно, мы отдельно. Крыков окучивает тутошних команчей, мы за мелкий прайс пишем книгу с картинками. Мы субподрядчики, с нас спроси седьмой.

— Да я...

— Все в порядке, Хазин, не дергайся. Держись справа.

Мы направились к мэрии, я вступил в здание первым.

В вестибюле было прохладно от гладкого мраморного пола, в открытые окна задувало с реки, под потолком горел свет, хрустальные люстры, хотя света и так хватало. В дальнем углу ржавел громоздкий льнопрядильный станок, возле стены с фотографиями лучших людей района дожидался Крыков, ходил вдоль, под мышкой красная папка. Увидев меня и Хазина, Крыков сделал брезгливое лицо.

— Привет, Крыков! — громко сказал Хазин.

Крыков вздохнул и подошел к нам.

— Привет, — сказал Крыков. — Ну и как оно?

— Работаем, — ответил я.

— Молодцы, — зевнул Крыков. — Я тоже немного работаю, но... Дремучее местечко, дремучее...

— Крыков, ты нам на редкость тухлую халтуру подсунул, — сказал Хазин. — Тут не о чем писать.

— Писать всегда не о чем, но вы же пишете, — огрызнулся Крыков. — Найдите, что до вас писали...

— Про Чагинск мало писали, — перебил Хазин.

— Будешь первым, — ухмыльнулся Крыков. — Тебя повесят на Доску почета!

Крыков указал на фотопортреты достойных. Хазин вздохнул.

— А сам как? — спросил я. — Сдвинулся? Что двигаешь? Де-готь? Лен? Праздник выдры в Выдропужске?

— Да так, помаленьку. Говорю же, места непуганые. Да и местные... эти обыватели любят кислый хлеб, ну вот как Хазин примерно...

Крыков разговаривал в мою сторону, глядел же через окно на автостоянку.

— Шарахаются от всего, как дикие, — рассказывал Крыков. — Как в семьдесят восьмом прибили, так реально держится, прыжок на месте — провокация. Я им предлагал железный сценарий — пригласить музыкантов и устроить пивной фестиваль по типу Октоберфеста. Чичагин-фест! Рейв, пиво, шашлыки! В здании брошенного льнозавода его провести — так начальница культурного отдела бруствером встала!

— Чичагин-фест — фигня, — возразил Хазин. — Вот Чехов-фест нормально...

— Газик, ты молчи, а? — рассердился Крыков. — Не тебе меня учить...

— Хазин прав, — перебил я. — Ты мимо немного работаешь, «Чичагин-фест» — это название для областного масштаба, а не для районного. Придумай попроще.

— Да что тут придумаешь...

— «День Чаги», — предложил я.

— «День Чаги», — скептически усмехнулся Крыков. — Витенька, ты лучше книгу свою говняй, ладно? Это у тебя хорошо получается. И кстати, нам пора, Механошин уже икру два раза мечет.

Крыков сморщился, словно собираясь плюнуть, но передумал, направился к лестнице на второй этаж.

— Урод. И точно стукач, у него на роже написано, — сказал Хазин и двинулся за Крыковым.

И я.

Кабинет мэра Механошина увяз в ремонте: здесь пахло извештой и краской, дорогая офисная мебель пряталась под мутной пленкой, прижатой к полу кирпичами, роль мебели выполняли разночинные столы и стулья, явно принесенные из ближайшей школы и соседней поликлиники. Сам мэр Александр Федорович Механошин стоял в углу и через дырку в пленке заводил напольные часы.

Кроме мэра в кабинете присутствовал человек в заметном дорогом сером костюме, человек сидел на школьном стуле и с удовольствием ел лапшу из пластикового стаканчика. Я его, разумеется, узнал. Светлов Алексей Степанович. Прибыл оценить масштабы.

Крыков покашлял, мэр обернулся. Часы неожиданно стали бить, мэр неловко отскочил в сторону, опрокинул стул. Светлов улыбнулся. Мэр завороченно смотрел на стул, часы били, Крыков нервничал сильнее, хрустел пальцами. А мы стояли.

После двенадцатого удара Механошин очнулся, к лицу его вернулось частично осмысленное выражение, и он увидел нас.

— Проходите, проходите! — указал рукой мэр. — Садитесь, времени мало, мне еще в Коммунар сегодня, устраивайтесь...

Я, Хазин и Крыков устроились: Крыков за медицинской конторкой, я и Хазин за школьным столом, напротив меня на столе было написано «ЖАБА БЫЧЬЯ», а над надписью пририсована корона. Светлов облизывал пластиковую вилку. Часы громко и неравномерно, будто прихрамывая, тикали.

— Должен вас, товарищи, обрадовать, — объявил мэр, прохаживаясь по кабинету. — Сегодня утром временно исполняющий губернатора сообщил мне, что нашу инициативу поддержат не только на областном, но и, вполне возможно, на федеральном уровне. Не будем забегать вперед, но...

Механошин остановился у окна.

— Возможно, будет серьезно поставлен вопрос о включении территории в туристический кластер. Это меня сильно радует. Очень сильно...

Я вдруг заметил, что мэр смотрит не в окно, а в стену.

— Развитие внутреннего туризма — один из наших приоритетов, — заявил вдруг Крыков.

Давно не люблю Крыкова. Мы с ним лет пять знакомы, поэтому не люблю. ООО «Агентство коммуникативных систем». Фабрика эфемерной жизни, консалт-услуги, организация общественных мероприятий, конференций, семинаров, продвижение, директ, копирайт. И Крыков там шарфюрер и основатель. Два раза кидал меня на деньги, потом я познакомился с Хазиным, у него дядя в прокуратуре, деньги отбили. Крыков, как всякий честный утырок, не злопамятен и иногда подкидывает ненужные самому халтуры — статью, рекламу, книгу написать, ну как в этот раз.

— Развитие туризма — наша задача, — согласился Механошин. — И мы над этим работаем. А с праздником у нас проблемы, так я понимаю?

Мэр обратился к Крыкову.

— Рабочие моменты, — уточнил Крыков. — Никаких проблем, все идет по плану. Памятник адмиралу Чичагину почти готов, сценарий праздника разрабатывается. Спортсмены тренируются, хор пенсионеров расширил репертуар, выступление пожарных...

Я заметил, как ехидно ухмыльнулся Хазин.

— Кроме того, мы планируем шествие по Центральной, — сказал Крыков. — Что-то вроде карнавала. Думаем пригласить артистов федерального уровня, думаем устроить фейерверк, луна-парк привезем...

Механошин быстро поглядел на Светлова.

— Да-да, — печально перебил Механошин. — Шествие, пожарные, пенсионеры, луна-парк, народные коллективы... все как обычно. А нужно, чтобы наш праздник отличался от обычного Дня города. Чем он будет отличаться?

Светлов вздохнул.

— Я как раз...

Механошин остановил Крыкова нервным жестом.

— Я же говорю — возможно, нам одобряют рекреационный кластер, — повторил мэр. — А чем мы будем привлекать в этот

кластер туристов? Фейерверком? Пенсионерами? Кого фейерверком сейчас удивишь? В Макарьеве знаете какой фейерверк?!

Механошин попытался открыть окно, но у него не получилось.

— Адмирал — это хорошо, — сказал он. — Он герой, заслуженный человек, историческая фигура... Но надо признаться, мало кто про него знает. На адмирала турист не пойдет, на фейерверки не пойдет...

Я две недели потратил на жизнь и историческую деятельность Чичагина, и мне стало немного обидно за флотоводца, хотя с Механошиным я был согласен, адмиралом народ не заманить.

— Чем мы будем привлекать туристов? — спросил мэр.

— Я предлагал Чичагин-фест, вы же сами затряслись! — возразил Крыков. — А получилось бы неплохо, между прочим. У нас есть самобытные коллективы — «Дилижанс», например, отличное кантри...

— Какое еще кантри? — нахмурился Механошин. — Кого сейчас удивишь кантри?!

— Тогда удивим ершом, — ответил Крыков.

Неожиданно.

Мэр протер платком лоб. Крыков, однако, мастер.

— Ершом? — переспросил Механошин.

— Ершом и чагой, — уточнил Крыков. — Это будет не просто День города, но и кулинарный фестиваль!

Хазин хихикнул.

— Проведем все комплексно, — рассказывал Крыков. — День рождения Чичагина и открытие памятника, уха в пяти чанах и День города в одном флаконе. Любителям истории — Чичагин, любителям кулинарии — тройная уха и конкурс на самую большую чагу.

Крыков бросил быстрый взгляд на незнакомца. Светлов внимательно изучал накрученную на вилку лапшу.

— Ершом... — мэр попробовал выжать платок. — Не знаю...

— Ерш, чага, шестеренка. Дегустация ухи, конкурс чаги, состязание на метание шестеренок. Триединство экономики, техники и культуры — все как на гербе города...

Могу поспорить, это все Крыков выдумал только что.

— Сама схема давно отработана. Малые города привлекают туристов оригинальной историей и специалитетами. В Суздале проводится день огурца и медовухи, в Лухе — день лука, в Астрахани — день арбуза и осетра, в Покрове — день пряника...

— В Мышкине — день мыши, — вставил Хазин.

Мэр поперхнулся.

— Они ее не едят, — исправился Хазин. — Просто... почитают. Кстати...

— Вот именно, — подхватил инициативу Крыков. — И в Мышкин едут тысячи туристов! Если умело поставить дело, поедут они и в Чагинск! У меня несколько предложений, вот, например...

Крыков раскрыл папку. В папке, насколько я помнил, Крыков обычно ничего не держал, предпочитая врать из головы.

— Лотерея! — провозгласил Крыков. — Лотерея — это проверенная классика городских праздников. Если назначить достойный приз, то соберется поллобласти!

Крыков выскочил из-за конторки, встал возле стены:

— Фестиваль настоек из чаги! Соревнования юных рыболовов «Золотой ерш». Состязания по армрестлингу «Ершовые рукавицы». Веселая спартакиада — перетягивание каната через реку. Конкурс частушек...

Светлов рассмеялся, едва не подавившись лапшой, а Механшин отчего-то необычайно густо покраснел.

— Ну да, — Крыков сделал вид, что смутился. — Конкурс частушек «Ерш твою медь»!

Хазин подобострастно хихикнул. От него не ожидал, обычно Хазин начальство редко лобзает.

— И обязательно пивной марафон! Я узнавал на одном пивзаводе, — продолжил Крыков. — Они могут выпустить ограниченную серию... назвать, разумеется, «Чагинский ерш».

— И «Адмирал Чичагин», — добавил я. — Светлое «Ерш», темное «Адмирал», крепкое «Ерш и Адмирал».

— Отличная идея! — обрадовался Крыков. — В Бугульме есть водка «Аксаков»! Люксовая! Слушайте, а если... Сделать водку «Чичагин»?

— Почему бы и нет? — спросил Хазин. — Водка «Ноздрев» вполне себе ничего...

— При чем здесь Ноздрев?

Захотелось пить. Маразм, концентрируясь в замкнутом пространстве, вытягивает из воздуха влагу. Становится душно, одежда искрит, люди начинают вонять и нервничать. Но воды в кабинете Механошина не было.

— У нас ликеро-водочный закрыт, — пожаловался Механошин. — Не получится...

— Можно в Галиче заказать, — не сдавался Крыков. — У меня там связи, я их краны двигал...

Я осторожно посмотрел на Светлова. Он продолжал вытягивать из стаканчика лапшу, отличный безразмерный стаканчик.

— Разумеется, надо заказать сувенирку, — продолжал Крыков. — Значки, магнитики, ручки, ежедневники...

— Хорошо, — остановил его Механошин. — Это все хорошо, это правильно... Я сегодня встречаюсь с заведующей отделом культуры, она вам поможет... И... думаю, можно приступать.

Крыков захлопнул блокнот.

Неплохо, подумал я. Крыков молодец, умеет подхватить, за это его и ценят.

— Да, приступать, — повторил Механошин.

— Это нереально, — капризно сказал Крыков.

Мы с Хaziным переглянулись. Разумеется, нереально. Месяца два работы. А День города...

— Что? — спросил Механошин.

— До Дня города чуть больше двух недель, — сказал Крыков. — Мы физически не успеем. И бюджет...

Мэр Александр Федорович Механошин печально сел на мешок со шпатлевкой.

— Я давно предупреждал — надо определяться раньше, — сказал Крыков. — Хороший День города полгода готовят.

Механошин больной коровой смотрел на Светлова.

Прекрасный финт, безотказный. Две недели ничего не делать, а потом пред очами большого начальства свалить все на недовинченных местных. Браво, Крыков.

Механошин пересел за рабочий стол и стал проверять телефоны. Мэр слушал каждую трубку, нажимал на рычажки, снова слушал. Светлов вертел в длинных пальцах стакан и явно наслаждался происходящим.

— Мы готовы пожертвовать... — вдруг пробормотал Механошин. — Мы многим готовы пожертвовать...

Светлов рассмеялся окончательно.

Он смеялся, а мы на него смотрели. Мэр — со страхом бледнел и ломал в кармане пиджака сигареты. Крыков — с восторженной жадностью, как человек опытный. Хазин с удивлением. Впрочем, Хазин мог прикидываться, это же Хазин. А я не знаю, с интересом, пожалуй.

Светлов поставил стаканчик на стол Механошина и сказал:

— А мне нравится.

Мэр достал из кармана смятую сигаретную пачку.

— Мне нравится этот план, — повторил Светлов. — Думаю, получится весело.

— Алексей Степанович, — обратился Механошин к Светлову. — Алексей Степанович, я не сомневаюсь, что будет весело... Но... «Ерш твою медь»? Мы не успеем...

Алексей Степанович поднялся с места, достал из кармана пиджака свернутую бумагу, встряхнул ее, расправил. Плакат.

На плакате изображался пергаментный лист на фоне остроконечных сосновых верхушек. На свитке золотом был выведен пузатый самодовольный ерш, над ним располагался логотип «Чагинский ЦБК».

— Отлично сделано! — тут же объявил Крыков.

— Думаю, что нет, — мягко не согласился Алексей Степанович. — Но это концепт... Хотя... Возможно, Станислав, разработку логотипа стоило поручить вам...

Крыков многозначительно промолчал.

— Думаю, такой праздник — то, что надо, — сказал Алексей Степанович. — Особенно в День города. Нашим людям не хватает праздников, наша задача — это исправить. И бизнес готов поддержать начинания. Думаю, вместе у нас получится.

Алексей Степанович передал плакат Механошину.

— Давайте сделаем так, — Светлов почесал лоб. — Давайте через пару-тройку дней проведем что-то вроде игровой репетиции.

— Я это и предлагал! — взял себя в руки Механошин. — Репетицию!

— Я договорился с врио губернатора, думаю, он сможет к нам на денек вырваться.

Механошин перетек в бледный.

— Вы покажете, что подготовили, а мы вместе подумаем — и на День города реализуем все еще лучше! Я, например, люблю кантри. И уху.

Светлов улыбнулся.

— Отличная идея! — поддакнул Крыков. — У меня есть несколько интересных идей, их можно обкатать...

Механошин каменел.

В дверь постучали, и в кабинет заглянула секретарша:

— Александр Федорович, там эти приехали...

— Потом! — ответил мэр.

— Они ругаются!

— Потом! — рявкнул Механошин.

Секретарша исчезла.

— Александр Федорович, если вам нужно... — Светлов кивнул на дверь. — Мы васждемся.

Механошин с отчаянием посмотрел почему-то на меня.

— Не спешим, — подтвердил я.

Механошин вручил плакат Крыкову и выбежал из кабинета. Крыков расправил свиток, изучая ерша. Хазин сидел, не зная, что делать. Да и я не знал. Мы должны были обсуждать нашу книгу, но, похоже, всем было не до нее.

— Сочувствую бедному Механошину, — сказал Алексей Степанович. — Трудное у него будет лето...

— У всех трудное, — сказал Крыков.

— Вы полагаете? — прищурился Алексей Степанович.

Крыков поправился:

— Нет, конечно, работы много...

— Обязательно приму участие в перетягивании каната через реку, — пообещал Алексей Степанович. — Это наверняка очень весело...

— И всегда кто-то тонет, — брякнул Хазин.

Алексей Степанович опять рассмеялся, он явно находился в прекрасном настроении, глютамат натрия порой творит чудеса.

— Я думаю, что у Чагинска большое будущее, — сказал Алексей Степанович. — Слушайте, Виктор, а это не вы написали «Пчелиный хлеб»?

Я поперхнулся: нет, здесь надо обязательно поставить кулер, в горле сохнет.

— Хорошая вещь. Легкая.

Я, если честно, не ожидал. Нет, раньше я мечтал встретить в автобусе девушку с моей книгой, хотел, чтобы меня узнали в аптеке, видел такое в кино — писатель-неудачник бухает в пельменной, а неудачница-пельменщица ему говорит: «Ваша книга произвела на меня моральное впечатление на втором курсе», — и вот любовь и новая надежда. Или. Фантаст третьей руки работает журналистом в журнале Winill и берет интервью у крупнейшего в России собирателя кассетных дек. Коллекционер, видный региональный чиновник, узнает в интервьюере писателя, и они весь вечер обсуждают блеск и нищету современной прозы. Я слегка испугался, что сейчас и Алексей Степанович не избежит, но он оказался умнее.

— Часы, — сказал Алексей Степанович. — Часы стоят...

Часы действительно остановились — я вдруг понял, что кабинет был заполнен их хромоногим тиканьем, а теперь тихо.

Алексей Степанович приблизился к часам, прислушался, словно пытаясь почувствовать, что у них там внутри.

— С часами надо уметь...

Он крепко постучал по корпусу, внутри часов звякнули пружины, но часы не ожили.

— Посмотрим-посмотрим... — сказал Алексей Степанович. — Ну-ка...

Светлов сдернул пленку, приблизился вплотную к часам и неожиданно обнял их посередине корпуса, как костоправы обни-

мают людей с защемлением позвоночника. Хазин украдкой выставил из кофра фотоаппарат, я погрозил кулаком.

Часы были выше человеческого роста, черного дуба и наверняка тяжелые, но Алексей Степанович, несмотря на стройность, вполне оторвал их от пола.

В кабинет ворвался испуганный и запыхавшийся Механошин, застыл. Алексей Степанович сжал часы сильнее. Затрещало дерево, загудела медь внутри, запело хрустальное стекло на циферблате. Но шестеренки не сдвинулись. Алексей Степанович несколько секунд продержал часы, затем опустил их на пол.

— Не получилось, — сказал он. — Немецкие?

— Немецкие, — услужливо подтвердил Крыков.

— Немецкие, — сказал Механошин. — Жарко, вот они и... не идут... Что-то зацепляется...

— Поправим. Все обязательно поправим. Знаете, я могу пригласить мастера...

— Мы сами, — отказался Механошин. — У нас есть свой мастер, я ему... вызову...

— Ну, как знаете... Кстати, — Алексей Степанович обнял мэра за плечо. — Мы тут подумали...

Хазин боролся с желанием достать фотоаппарат. А я вдруг подумал, что сейчас Светлов поднимет вот так же Механошина, потрясет до хруста, пока тот не затикает.

— Мы с ребятами посоветовались и решили, что надо увековечить память адмирала Чичагина.

— Так памятник вроде... — растерялся Механошин. — Хотим поставить... в смете...

— Памятник — это само собой. Но представьте, как будет хорошо, если к памятнику адмиралу Чичагину будет вести улица адмирала Чичагина? По-моему, здорово!

— Но там улица Любимова, — негромко возразил Механошин.

— Кто такой Любимов? — строго поинтересовался Алексей Степанович.

— Адмирал Чичагин — сподвижник Екатерины Великой и основатель русской оптики, — сказал я.

— Не помню... Думаю... Думаю, возможно...

— Ну, узнайте пока. А мне пора. Дела, дела. До встреч!

Светлов подошел к Крыкову и пожал ему руку. Затем пожал руки Хазину и мне, ладонь у Алексея Степановича оказалась ребристой и холодной. Механошину он руку не пожал, щелкнул часы в лоб, выскочил за дверь.

Механошин снова уселся на мешок. Дышал тяжело.

— Отличная идея, — сказал Крыков. — Улица Чичагина к памятнику Чичагину! Александр Федорович? Как считаете?

— Да, это...

Механошин покосился на часы, затем достал из кармана пузырек с таблетками и закинул в рот два шарика.

— У моей бабушки были точно такие же, — Крыков указал на часы. — Трофейные. Дедушка их из Германии вывез... Там внутри есть что-то вроде турбийона...

Крыков неубедительно изобразил руками турбийон, Хазин успел сфотографировать.

— Вот и хорошо, — сказал Механошин. — Мы все обговорили, давайте готовиться... Если действительно придет исполняющий... Репетиционный... День города...

Механошин массировал виски.

— А книга? — спросил я. — Мы же собирались обсудить материал, посоветоваться...

— Я сделал двести снимков, — Хазин потряс фотоаппаратом. — Надо отобрать подходящие...

Механошин уставился на нас, автоматически вытряхнул на ладонь еще два шарика, проглотил.

— Да, книга... — сказал он. — Книга нам чрезвычайно важна, чрезвычайно... Мы намереваемся вводить региональный компонент, книга должна стать фактически учебником. Важно отразить роль личности в истории города...

Я это уже слышал. Две недели назад, в этом же кабинете. Механошин рассказывал про корни, деготь, соль и роль, Хазин записывал в блокнот, то есть вид делал, что записывает, а я слушал. Хотя смысла особого в этом не было, техзадания всегда одинаковые. Во всех без исключения районных городках есть хреновая дырчатая керамика, найденная на карьере кирпичного завода, есть коклюшный промысел, продукты которого по-

ставлялись в Париж, есть охотник Яков Парначев, в девятьсот пятом собиравшийся застрелить из своей берданки бестолкового Николашку. И адмирал Чичагин. А вообще писать книги про региональную историю и ее замечательных людей легко и выгодно. Особенно с Хазинным. Когда работает Хазин, половина листов отводится под фото.

— Надеюсь, что с книгой все будет в порядке, — закончил Механошин. — Ее-то хоть успеют напечатать?

— К началу учебного года сделаем двести экземпляров, — тут же ответил Крыков. — Для подарков и презентаций. Все идет по плану, Александр Федорович...

Механошин кивнул.

В дверь опять заглянула секретарша:

— Александр Федорович! Они там опять... Говорят, что сейчас уедут...

Механошин дослушивать не стал, выбежал из кабинета. Мы остались вдвоем.

— Где тут телефон можно найти? — тут же спросил Крыков.

Я указал на аппараты на столе. Крыков выразительно постучал себя кулаком по лбу: у Крыкова толстый кожистый лоб, у Крыкова неприятно круглая и ровная голова на вялых плечах и малом теле, мне Крыков всегда напоминает фигурку из пластикового конструктора.

— В гостинице же есть телефон, — напомнил Хазин.

Крыков постучал по лбу пальцем.

— Тогда на почту, — ответил Хазин. — Там автоматы, я домой, кстати, звонил...

Крыков быстро вышел из кабинета.

Остались двое.

— Может, пора и нам? — спросил Хазин. — Все разбегаются как лоси, а между прочим, скоро обед.

— Обед — это святое, — сказал я. — «Чага»?

— Столовая доручастка, — возразил Хазин.

Столовая доручастка уступает «Чаге» в пиве, но превосходит в кулинарии и видах — веранда столовой выходит на городской холм, излучину Ингирия и РИКовский мост. В «Чагу» же лучше с утра.

— Согласен.

Перед тем как выйти из кабинета, Хазин сфотографировал часы.

На улице стало еще жарче, над черными трубами кипели полупрозрачные призраки, в сложенных горкой чугунных скамейках из парка спала кошка, машины на стоянке мэрии блестели горячей жутью, и я затосковал по столовой доручастка. Возьму котлету с макаронами, капустный салат, полстакана сметаны, возьмем пива, по две бутылки, из холодильника...

— Смотри-ка... — Хазин указал фотоаппаратом.

Крыков стоял перед своей машиной, открыл дверцу, но не сел, застыл, почесывая пальцем подбородок, размышляя. Потом закрыл дверцу и направился к нам.

— До почты не подкинете? — попросил Крыков.

Хазин согласился. Почта не по пути в столовую, но все равно. Хазин расталкивал «шестерку», Крыков рассуждал об автоматических коробках передач. Хазин утверждал, что это для баб и безруких, оба лениво спорили, апеллируя в основном к «Формуле-1». Когда машина завелась и мы поехали, Крыков стал врать про работу. Я смотрел в окно.

Крыков, несмотря на профессию, плохо врет, неубедительно. Он врет про то, что слишком хорошо знает, а врать надо про неизвестное. Например, легко и весело врать про Китай. Имена короче, история длиннее. И в ней, если копнуть глубже, найдется и бродяга Юн Чжи, сын обезьяны, ставший императором, выпивший кровь своего отца и построивший свой Запретный Город за двести лет до Запретного Города. И красавица Цинь Линь, мастерица игры на цитре, непревзойденная в стрельбе из лука, неукротимая в любви, украденная северным варваром и родившая ему богатыря Ядгарлыка. И чиновник Ши, разумеется, Ван, мудрый, как змей, подлый, как россомаха, и учитель Хун, причастный к тайнствам философа, видевший вперед и отметившийся в скрижалях.

Удобно врать про Китай, никто ведь не проверит. Да и как проверить? Те, кто думает, что знает, лишь повторяют более раннее вранье, предел достоверности — память очевидцев, но они упорны в своих заблуждениях. И спят они в своих теремах, за-

води тихи и пустынные, и расходятся тропки, и на последнего всегда нападает медведь, Крыков врал про то, что взял заказ на логотип электрозавода, а заказчики — профаны, и он преспокойно поручил дизайн своему сыну-пятикласснику, и ничего, прокатило — не вздрогнуло...

— Почта же!

Хазин остановился напротив почты, Крыков выскочил и быстро взбежал по ступеням.

— Стучать торопится, — заметил Хазин. — Трепло...

— Он и из номера стучать может, — возразил я.

— Не догоняешь, — хмыкнул Хазин. — По одному телефону в разные места стучать нельзя, это каждому стукачу известно.

— А может, он не стукач?

Хазин хмыкнул и сфотографировал почту.

Почта в Чагинске двухэтажная, типового проекта: слева от входа почтамт, справа переговорный пункт. Внутри обглоданные пластиковые столы, снаружи желтая краска, на крыше облезлая спутниковая антенна. Напротив синяя железная остановка, квадратная: она ничуть не изменилась, пожалуй, сиренью заросла гуще. Бабушка любила сирень. Она росла под окнами, и когда я приезжал в конце мая, сирень, совсем как в книгах, настойчиво лезла в окна. И ландыши бабушка любила, собирала букеты с горьким запахом, но на ночь в комнате их никогда не оставляла, потому что, если оставить, можно не проснуться; ландыши зацветали всегда вместе с черемухой.

Хазин сфотографировал квадратную остановку.

— Здесь мне зуб выбили, — сказал я. — Году в девяностом.

— За что?

— Да ни за что. Подошел мужик, спросил, не нужен ли мне «чезет», а я и ответить не успел — он мне по зубам хлысть...

— А ты?

— Я не успел... То есть он сразу же запрыгнул в грузовик и укатил. А я потом зуб искал... он до сих пор тут валяется...

Хазин сфотографировал остановку еще раз.

— Хочу сделать подборку, — пояснил он. — «Остановки миновавшей империи», примерно так...

Из здания почты вышла рыжая собака с провисшей спиной, вытолкнула носом дверь, спустилась по лестнице и побрела в кусты. Я думал о зубе — что мой зуб до сих пор лежит где-то здесь, врос в землю, а возможно, его давно съели муравьи.

— Мир изменяется, остановки мельчают, — сказал Хазин. — А вот в Краснодарском крае настоящий заповедник, там их из бетона ваяли, монументально работали... Но лет через тридцать не останется ничего. Надо успеть.

Из здания почты вышла еще одна рыжая собака, похожая на первую. Хазин потерял глаз.

— Там прохладно, — объяснил я. — Собаки сидят на почте в жаркие дни.

Хазин сфотографировал вторую собаку.

— Собаки сидят на почте в жаркие дни... — задумчиво повторил Хазин. — Красиво. Мне решительно нравятся такие вещи: собаки на почте, бак с кружкой на вокзале, медведица Маша...

Медведица Маша в Ярославле — жрет морковь и восхищает иностранных туристов.

— Знаешь, чем маленький город отличается от среднего? — спросил я.

— Бабами, — уверенно ответил Хазин. — В маленьких городках бабы... приветливее. У меня есть по этому поводу соображения, сейчас расскажу...

Хазин болтал, а я смотрел на почту. У бабушки не было телефона, и, чтобы позвонить родителям, мы ходили сюда. Сидели в твердых и гладких пластмассовых креслах, читали надписи, вырезанные на деревянной ширме, и ждали вызова. Мне нравилось на переговорном пункте, в нем пахло электричеством, а на перегородке были написаны родные города тех, кто отсюда звонил, я особенно запомнил Елабугу.

— ...Провинциалки полагают, что в крупных городах женщины гораздо раскрепощеннее. И чтобы самим быть похожими на городских, они стараются перещеголять их в распушенности. В этом своя прелесть, когда ты приезжаешь...

И Джезказган.

...Когда приезжаешь в маленький городок, правильно выбирать теток лет сорока...

Хазин замолчал, то ли вспоминая, то ли фантазируя.

— Маленький город от большого отличает «Мотоблок и дрель», — сказал я. — Вывески. Это как ярлычки на одежде — или стирать, или полоскать. Провинция традиционно бежит вавилонов, пока здесь возможен исключительно «Мотоблок и дрель». Но уже в Костроме, или, допустим, в Нижнем, или в том же Саратове мы встретим вполне себе...

— «Струмент», — закончил Хазин.

— Да, «Струмент» неплохо. Но не для центра, в центре это будет «Ворлдбилдсервис» или «Хард Эквайпмент»... «Хэквайпмент».

— Я помню «Хэквайпмент», там еще такой ушлепанный работает... Что-то барабанщика нашего долго нет... Он что, из... этих?

Хазин лизнул воздух.

— В смысле?

— Ну, эти придурки, которые отовсюду открытки отправляют.

— Вряд ли. Сходи, посмотри.

— Не, я это... собак не очень... Сходи сам.

— Зачем?

— Жрать охота, — честно признался Хазин. — Он тут час проторчит, а я страдай. Там обед закроется.

Я пошел — я люблю почты, плюс столовая доручатка ждет нас, а если зависнем, нагрянут голодные дорожники и не достанется нам ни зраз, ни пельменей.

— Купи ручку, — попросил вдогонку Хазин.

Внутри почты действительно было прохладно и пахло горячим сургучом, шпагатом, бумагой. В переговорном пункте, как обычно, сумерки, мутные лучи и кресла те же самые, цвета старого топленого молока, шесть штук вдоль стены; работает круглосуточно. И три кабинки «межгород». Крыков сидел в кресле, тыкал стилем в наладонник, качал ногой.

В почтовом отделении пусто, из-под железного стола торчали собачьи лапы, больше никого. Надо купить ручку. Я шагнул к окошку № 2.

Я заметил за стеклом соломенную лошадь и расписного глиняного ерша. Я попытался шагнуть назад, но было поздно — девушка за барьером подняла голову.

За две недели я пересекался только с Федькой, то есть теперь с Федором, хотели посидеть, но не посидели. Теперь Кристина.

Она всегда что-то делала. Соломенных коней, бумажных лебедей, кукол из лоскутов, звенящие мешочки счастья, странные раскрашенные камни.

— Привет, — сказала Кристина.

— Привет, — сказал я.

Я не знал, что дальше. О чем говорить. Поэтому и не хотел встречаться.

— Что здесь делаешь?

— По работе, — ответил я.

— Комбинат строите?

— Что-то вроде.

Кристина улыбнулась. Какое-то время она в рыжий красилась, сейчас как есть. Блондинка. Чагинск — столица чаги и льна.

— А в доме вашем никто не живет, — сказала она.

— Я знаю.

Ничего. Нет, действительно ничего не почувствовал. Я пытался почувствовать, но нет. Странно, всего тринадцать лет прошло.

— Федька говорил, что ты приехал.

— Да, мы встречались. Вот уж не ожидал: Федька — и в милиции...

Кристина улыбнулась.

— Ему, кажется, нравится, — сказал я. — Он похудел...

— И хочет на юридический поступать. — Кристина взяла соломенную лошадку. — Правильно...

— А ты сама как?

— Нормально. Вот на почте работаю. Костя в пятый класс пошел. Все хорошо...

Кристина замолчала, разглядывая лошадку.

— Ты все мастеришь, — сказал я.

Кристина поставила лошадку, достала вместо нее вязаную пчелу, протянула в окошко.

— Мне?

Кристина кивнула.

— Спасибо.

Я взял пчелу и спрятал в карман.

— Вить, ты что застрял? — спросил Хазин прямо над ухом.

Я едва не подскочил, Хазин тут же оттеснил меня от окошка и устался на Кристину.

— Здравствуйте, — сказала она. — Вам чего?

— Здравствуйте!

Хазин тут же сфотографировал Кристину.

— Девушка, во-первых, продайте мне ручку, во-вторых, немедленно выходите за меня замуж.

— Вам какую ручку? Есть за два рубля, есть за четыре...

Хазин сфотографировал Кристину еще раз и сказал, что ручку ему надо самую дорогую, вон ту, за четырнадцать, с кнопкой, а насчет замужа это абсолютно серьезно.

Я вернулся в машину. И Кристина похудела. Стала красивее определенно. Не хотел встречаться, не о чем говорить. С Федькой-то не о чем было, пять минут обсуждали, как лучше проехать на Галич, все.

На крыльце показался Хазин с упаковкой ручек. За ним выглянула собака, равнодушно гавкнула, Хазин плюнул ей на голову, собака скрылась.

— Я передумал, — сказал Хазин, усевшись за руль.

— Что?

— Пересмотрел свои взгляды на город Чагинск.

Так всегда случается.

— Я думал, что Чагинск — очередная жопа в череде жоп, однако это не так. Здесь небезнадежно. Весьма небезнадежно. Адмирал Чичагин знал толк...

Показался Крыков.

Он сбежал по ступеням и с довольным видом направился к нам.

— Куратор выписал премию, — отметил Хазин.

— За что?

— Значит, аванс.

Из кустов на Крыкова гавкнула рыжая собака.

— Телефонистки — редкие сучки, — сообщил Крыков, устроившись на заднем сиденье. — У них автоматы жрут жетоны, связь дрянная, а они лыбятся и лыбятся... Поехали!

— Мы обедать, — напомнил Хазин.

— И я с вами.

Хазин не стал возражать, завел двигатель, и мы поехали в столовую доручастка. Крыков молчал. Хазину молчать трудно, особенно за рулем, поэтому он рассказывал об одной подруге, вроде приличной девушке тридцати лет от роду, которая жила-жила, а потом вдруг бац — и съела своего домашнего кролика. А еще у него была одна знакомая, у нее жила морская свинка, однажды морская свинка заболела...

На улице Центральной Крыков не выдержал:

— Ладно, ладно... Но не делайте вид, что вы его не узнали? Алексея Степановича?

Мы промолчали.

— Это же Светлов! — сказал Крыков. — Вы понимаете?! Алексей Степанович Светлов, основатель и генеральный директор группы компаний НЭКСТРАН! Первая полусотня!

В столовой доручастка вполне себе вкусные пельмени, надо торопиться.

Глава 2

Проблемы с мышами

Дурная мысль сочинить честный роман про зомби посетила меня после успеха «Хлеба», осенью, на ярмарке в Белграде.

Белградские арены тогда были забиты народом, автобусы подвозили молодняк из окрестностей и даже, судя по бейджам, из Баната и Бачки, которые я вдруг вспомнил из истории южных и западных славян. Приезжали школами и деревнями, ходили туда-сюда и кругами, некоторые таскали сумки с книгами.

Я сидел в кресле и смотрел на толпу. Народ стремился мимо, ничуть не интересуясь моей книгой, равно как и прочей продукцией «Зоила»: интеллектуальными путеводителями, обстоятельными кулинарными справочниками, контринтеллигентской

философией и трудами антрополога Трубинера. Я не обижался — сразу за стендом «Зоила» шумела, гудела дудками и приплясывала «Бчелица», за ней обширно торговали мангой, фантастикой, конспирологией и снова фантастикой — там полыхали бластерные разряды, рокотали думстары, а принцессы Фомальгаута поправляли миниатюрные адамантиевые лифчики. На обложке моей книги умирала, свернувшись пружинкой, жужелица. Чего уж тут.

Напротив стенда «Зоила» располагалась небольшая экспозиция сербского издательства, специализирующегося, насколько я понял, на мистике, хорроре и трэше. В уголке за покрытым клетчатой клеенкой столом сидел автор в кожаной шляпе. По правую руку стопка книг, по левую бутылка сливовицы и стопка. За спиной приклеенное к заднику стенда дерево, подозрительно похожее на настоящее, вокруг ростовые фигуры вампиров. К автору иногда подходили читатели, и он подписывал им книги. Если читатель интересовался еще чем-то, автор выдвигал из-под стола дополнительный стул, приглашал присесть. Затем наливал себе из бутылки рюмку, выпивал, прислушиваясь и поправляя шляпу, минуту размышлял и после этого с абсолютно серьезным видом отвечал на вопрос.

Писатель ужасов, большой и счастливый человек.

В конце первого дежурства на стенде ко мне подошел старый серб, подарил книжку самодельных стихов, долго ругал НАТО и пидоров, я постеснялся подарить ему свою книгу и подарил «Кухню, которую мы потеряли». А сам почувствовал, что завидую писателю напротив. Что хочу вот так — сидеть на стуле в кожаной шляпе, объяснять симпатичной поклоннице, что есть некрореализм, чувствовать покой, определенность и удовольствие от жизни и, если хочется, пропускать по стопочке грушевой, а вечером выходить на террасу с видом на Саву, к нутбуку, табаку, вурдалакам... счастливый человек. Подумав так, я поглядел на свою книгу с жужелицей на обложке и почувствовал себя мудаком.

Следующее время я потратил на роман про зомби, который не взлетел. Абсолютно. Два года и полтора миллиона знаков сложились в унылое ничто, когда я понял это...

Сильные чувства.

Через три дня я пришел в себя и дал слово поутру устроиться в гипермаркет электроники. Я был тверд в убеждениях и намеревался найти утешение в карьере менеджера отдела миксеров и кофемашин, но вечером позвонил Крыков. Городу Сосновке требовалась книга «Сосновка: вчера, сегодня, завтра».

На крыльце гостиницы скучал Хазин.

— Моя прабабушка подавилась десертной ложкой, — сообщил он. — Я тебе рассказывал.

Прабабушка Хазина, в принципе, не крупная женщина мещанского сословия подавилась насмерть десертной ложкой. Прабабушка отличалась необычайной брезгливостью, не употребляла молочных продуктов и всюду ходила с ложкой, убранный в плетеный чехольчик. Ложку эту прабабушка без присмотра не оставляла, поскольку однажды в детстве увидела, как повариха на кухне в процессе приготовления щей облизала все ложки, до которых смогла дотянуться. В первый понедельник марта тысяча девятьсот двадцать шестого года прадед Хазина вернулся домой с работы и обнаружил жену с ложкой во рту, причем ложка была засунута в глотку ручкой. Их потомок вырезал «Калевалу» на рисовом зерне.

— Доброе утро, — сказал я.

— Смотри, решительно прелесть! — Хазин протянул камеру. — Дьявол утащил в море двух молоденьких монахинь!

Я взял аппарат. На мониторе обнаружилась галерея надгробий, изготовленных в технике лазерной резьбы по камню. В качестве моделей для гравюр использовались мультперсонажи, с траурных каменных плит с печальной укоризной глядели Страшила, Буратино и Пятачок.

— Неплохо, — согласился я.

— Неплохо?! Отлично! Здесь немного отличного, но это отлично! А еще «Чага». Ну и эта, вчерашняя. Ну, помнишь, на почте, рукодельница которая? Слушай, а ты с этой Кристиной ведь знаком вроде был?

— Тринадцать лет назад, — сказал я — Мы тогда рядом жили, через улицу. Она в волейбол играла. Или в баскетбол...

— Люблю волейболисток, — сообщил Хазин. — Суровые девки с крепкими лодыжками... Слушай, Вить, а ты сам-то как? Не думаешь? Типа, вскипели старые чувства, бывшее вернулось и мы не смогли устоять перед внезапным счастьем?

Хазин многозначительно пощелкал камерой. Я промолчал.

— Если ты сам не хочешь, я могу озаботиться. А что? Мы в этих чагах, похоже, надолго застряли, так что имею вполне себе право. Надо скрасить затхлый провинциальный хтонизм чем-то светлым... Почтовая фея, королева сургуча и шпагата... Смотри еще!

Хазин пролистал странички на мониторе камеры и продемонстрировал пьяного Крыкова, лежащего на полу в коридоре гостиницы.

— Даже у самого бессовестного стукача болит совесть, — прокомментировал Хазин. — Это вчера.

Над Крыковым с укоризненным видом склонялась коридорная Маргарита Николаевна.

— Неплохо, — согласился я.

— Ладно, хватит культуры с утра, — сказал Хазин. — Пора работать. Мы куда? В библиотеку, в архив, в музей?

— В музей для начала. Надо поговорить с директором, там материалы...

На крыльцо вышел хмурый мужик с коробкой.

— Он купил мотодрель. — Хазин тут же сфотографировал мужика. — Он счастлив. Он — соль земли чагинской.

Хазин сказал слишком громко, мужик обернулся.

— Почем брал? — спросил Хазин. — Бабе своей хочу такой подарить...

Мужик пошагал быстрее.

— Был я в этом музее, — сказал Хазин. — Еще в первый день, случайно заехал. Там сейчас выставка-продажа чудо-техники.

— Чудо-техника...

— Ну да, все эти штуки. Кремлевская таблетка, индикатор... какой-то... болюсы. Циркониевый браслет, купил, кстати.

Хазин продемонстрировал браслет.

— От всего, — сообщил Хазин. — Знаешь, старухи глотки друг другу в клочья рвут...

— Ладно, поехали.

Мы спустились с крыльца, забрались в машину, я вытянул ноги. Надо купить сандалии.

— Думаю, многие его видели, — задумчиво сказал я. — То есть после...

— Чичагина? — догадался Хазин.

— Да, конечно. Думаю, возле реки. Перед праздниками. И в пост.

— И перед ударом молнии! — с воодушевлением сказал Хазин.

Он повернулся ко мне, нажал животом на руль. «Шестерка» всхлипнула. Хазин достал блокнот.

— Он как бы упреждал людей, что скоро ударит молния, — записывал Хазин. — И предостерегал о пожарах и прочих стихийных бедствиях. И если намечался мор, то он тоже... мимо не стоял.

— Его вообще неоднократно наблюдали, — согласился я. — Перед серьезными событиями он являлся и как бы говорил, что надо... надо держаться вместе.

— Был символом сплочения, — записал в блокнот Хазин. — Символом единения и противостояния. Думаю, это должно отражаться в...

Я прикинул, в каких источниках могло быть отражено явление адмирала Чичагина простым людям города.

— Вряд ли в газетах про это печатали, — сказал Хазин. — Несколько не та тема.

— Это было в народной молве, — предположил я. — Передавалось от отца к сыну, от матери к дочери...

— Точно! Народная молва — это правильно, адмирал был очень близок к народу. Едем в музей?

— Да, само собой, — подтвердил я.

— Но сначала по «Ярославскому», — потребовал Хазин. — Я чувствую, что должен слегка взбодриться, ты меня, Витенька, извини, но я не могу все это воспринимать...

ТСНУГА располагался через два квартала от гостиницы в тупике возле железной дороги, в приземистом здании бывшей багажной конторы, я хорошо помнил это место. Летом

я всегда отдыхал здесь у бабушки, и после третьего класса родители должны были прислать мне на лето велосипед, каждый день я ходил к багажному отделению и проверял. Целый месяц ходил, пока не прислали «Салют». Оранжевого цвета. Помню.

Новые владельцы помещения не стали озадачиваться дизайном, подкрасили ворота и поменяли замок, и рядом с вывеской «Багажное отделение участка Чагинск — Игша Сев. ж. д.» повесили вывеску «Пивбар TCHUGA».

— Само по себе место так себе, — рассуждал Хазин, руля в коротеньких переулках вокруг грузового двора. — Подвальным индастриалом сейчас никого не удивишь, да и шашлыки у них так себе, кофе со вкусом сажи, а вот пиво...

Каждый раз, когда мы приезжали в «Чагу», Хазин рассуждал про пиво, шашлыки, пироги с картошкой и дрянную яичницу с пережаренным луком. Я с ним не спорил: с едой в кафе случались накладки, с пивом же никогда.

— ...Я специально узнавал, — рассказывал Хазин. — Таких кег больше нигде не возят, сюда и в Кологрив. Это еще старые советские бомбы, их реально запаивали оловом, представляешь? Весь секрет в том, что Люся забирает их на обратном пути, пока пиво едет в Кологрив по этим колдобинам, происходит вторичная ферментация...

Хазин вырулил на Железнодорожную. Асфальта здесь не лежало, дома были выцветшего желтого цвета, и перед каждым в виде сарая размещался синий вагон узкоколейки.

— ...Неуловимый кабан на улицах Уфы наводит страх на жителей города.

— Что? — не понял я.

Тут пожарный пруд еще был, в нем водились мизинцы-караси и рос плюшевый рогоз.

— Крыков талоны на бензин обещал. Теперь, думаю, не увидим талоны.

— Талоны на бензин пожрали трубные яги. Или трупные.

— Приехали. Не больше двух кружек, Витя.

Перед кафе на складном стуле сидела хозяйка пивной Люся, ее сын дорисовывал на стене голову бородатого викинга.

— Люся! — обрадовался Хазин. — А мы с Витей как раз к тебе. Нам по баночке, пожалуйста.

— Или по две? — уточнила Люся. — И кофе?

— Разве можно с тобой бороться, Люся, — вздохнул Хазин.

Мы устроились у стены рядом с сохнувшей мордой викинга, через минуту Люся принесла пиво в пол-литровых банках, оплетенных проволокой, кофе в граненых стаканах, бутерброд с сыром — всё поставила на ящиках, выполнявших роль столов.

— Люся, а что ты знаешь о Чичагине? — поинтересовался Хазин.

Я быстро выпил кофе и съел бутерброд. Пиво ждало на ящике, пиво должно подождать.

— Люся, что ты знаешь о Чичагине? — снова спросил Хазин.

— О ком?

— О Чичагине.

Люся оглянулась на изображение викинга.

— Люся, купи кружки, — посоветовал Хазин. — Пьем из банок, как прыщи.

Что ответила Люся, я не услышал, на станцию влетел углевоз. Некоторое время все вокруг дрожало, пиво в банках подпрыгивало и проливалось, Хазин не выдержал, схватил банку и выпил половину.

Люся смотрела на проходящий состав, я вдруг заметил, что она считает, загибая пальцы, опасается упустить важное. Тогда я тоже выпил пива и подумал, что Хазин заблуждается: хлебный вкус пиво приобретает не от того, что его возят по ухабам в Кологрив, а от утренних угольных составов, тяжелых полуденных нефтяников и сумеречных лесовозов с востока. Каждый из них взбивает пиво в оловянных кегах, и оно густеет, набирает сахара и крепости, а цвет из коричневого переходит в золотой. Я взболтал банку. Прозрачное и, да, золотое.

Люся загибала пальцы. Хазин вспомнил про фотоаппарат и снимал проносящийся поезд на длинной выдержке. Я пил.

Состав загулял на стрелках, стало громко, воздух раскачался, и мы оказались внутри горячего угольно-железного потока. Состав ускорился. Я оглох, зубы начинали пристукивать, и я ни

о чем не думал, грохот и воздух выбили мысли, я люблю «Чагу» как раз из-за этого: сидишь, пьешь пиво и не думаешь.

Тепловоз прогудел, входя на мост, мимо нас пронеслись бортающиеся последние платформы, ветер стих, в воздухе несколько секунд висели вагоны-призраки, скоро растаяли и они.

— Железнодорожники в среднем живут на восемь лет дольше, — сказал Хазин.

Рельсы с зуболомным звуком изгибались еще некоторое время, на шпалах приплясывали окатыши. Сын Люси с корзинкой направился к стрелкам.

— От вибрации у них внутри все спайки рассасываются, и никаких бляшек в сосудах...

Люся принесла по второй банке, Люся будет жить вечно. Как неуловимый кабан из Уфы.

— И с собой, — попросил Хазин. — Как обычно, Люся.

Во всяком случае, очень долго. Мысли постепенно возвращались; чтобы они не торопились, я отпил еще. Невыносимо идти в музей трезвым.

— Зачем ему корзинка? — спросил Хазин.

Я не придумал ничего интересного.

— Вряд ли на шпалах растут грибы, — тупо заметил Хазин.

— Он любил жаренные в сметане грузди, — сказал я.

— Адмирал Чичагин? — Хазин приложился к банке.

— Да.

— Чичагины все ворье, — объявила Люся.

Она уселась в кресло и закурила.

— Это всем известно — ворье. Хоть сейчас и фамилия другая.

— Здесь живут Чичагины?! — поперхнулся Хазин.

— В Нельше, — ответила Люся. — Там.

Люся указала сигаретой в сторону железнодорожного моста.

— Возле реки, если направо идти. Дом с зеленой крышей.

Хазин принялся записывать в блокнот.

Это хорошо. Надо обязательно с ними поговорить, в книге будет красиво смотреться, какая разница, что ворье.

— Старик сидел два раза, да и молодые не лучше, все тащат. Сено, дрова, да им все равно что, хоть глину. В Фатьянове в прошлом году провода срезали — их рук дело. Уголовщина.

Да и бабы паскудные... пододеяльник у меня в прачечной увели... Ладно...

Люся докурила, плюнула и вынесла нам трехлитровую банку в проволоочной оплетке.

— Чтобы вернули. — Люся вручила посуду Хазину. — Уже три у меня зачитали.

— Это не мы, — заверил Хазин. — Это Крыков. Он стукач и алкоголик.

С путей вернулся сын Люси, набрал полкорзины угля, поезда трясет на стрелках.

— Я знаю о Чичагине, — сказал он. — Он капитаном был. А правда, что у нас собираются химзавод строить?

— Не, — помотал головой Хазин. — Какой еще химзавод...

Пиво, какое чудесное пиво.

— Атомную станцию, — сказал я. — Только это... Не особо свисти, ладно?

Сын Люси почесал нос.

— Атомную станцию, — подтвердил Хазин. — Имени... Районного Исполнительного Комитета.

— Свинцовые труселя надо шить, — перебила Люся. — А у меня трое мужиков в семье, ладно, старому ни к чему, а этим-то как? Где я столько свинца найду?

Гениальное пиво, немного выпил и не могу понять, шутит Люся или Люся всерьез.

— Из грузил можно, — посоветовал сын. — Если расплющить.

— В «Мотоблоке и дрели» уже продают, — успокоил Хазин. — Правда, пока два размера, но обещают расширять.

Рельсы звякнули, на шпалах опять начали подпрыгивать гальки, Люся сказала, что читинский, мы с Хазиным поспешили покинуть «Чагу». Второй грузовик в день расстроил бы окончательно мои мыслительные процессы, а сегодня вечером я намеревался начать работу над книгой, пора начинать.

Хазин затормозил в переулке, пристроился в тени черемухи, она не цвела, но запах горечи и холода сохранился.

— И зачем им прогнал про АЭС? — Хазин прижал банку с пивом к животу и теперь вовсю пытался стянуть с нее толстую капроновую крышку.

— А, само получилось...

— Теперь слухи пойдут, сам понимаешь, АЭС у нас не любят. Хазин сломал о крышку ноготь, отгрыз, выплюнул в окно.

— Чичагин, — сказал я. — Всем известно, что он был... последовательным противником атомных станций.

— И сторонником целлюлозных комбинатов?

Хазин пустился во второй приступ на банку, в этот раз впился в крышку двумя руками.

— Не устану повторять — Чичагин всегда думал о простом народе, — сказал я. — И если вдруг какой хазарянин собирался ставить шинок, кружало или, допустим, АЭС, немедленно выражал решительный протест, в том числе и прямым действием...

Хазин сорвал крышку и жадно отпил из банки несколько глотков.

— В музей, однако? — спросил он.

— В музей.

Хазин вернул пиво под заднее сиденье. И поехали.

Хазин, похоже, разведаль короткую дорогу, он не повернул к мосту, от переулка Глухого вырулил к переулку Горького, затем сквозь кусты сирени вниз, к старой водокачке. Тут Хазин не удержался, остановился и несколько раз сфотографировал заросший мхом цоколь из толстого серого камня, чугунный кран, кирпичную башню и число 1903 под крышей, выложенное черным чугуном. Отстрелявшись камерой, Хазин выскочил из машины, подбежал к водокачке, открыл кран. Хазин намочил голову, напился и долил воды в банку пива.

— Чтoб как в старые времена, — пояснил он. — По-настоящему, пиво-воды...

— Поедем, Хазин, время, — напомнил я. — Полдня прошло.

— Полдня прошло, а роги не растутся!

После водокачки Хазин вступил в отличное настроение, пока мы добирались до старого переезда, он рассказывал, что ему не нравится в Чагинске.

— ...Если кроме того что булки руками в магазинах подают, а девки нормальные давно поделены, то вот еще что. Тут постмиллениум в полный рост. Понимаешь, одни местные думали, что всему свирепый пушок, и уже делили участки на кладби-

ще, другие надеялись, что все наладится и Москва — Улан-Батор наконец здесь остановится, но тысячелетие кончилось, планета провернулась, и ничего не произошло. Старый мир не спотыкнулся, а новый не начался. Они оказались словно в вакууме! И как результат — у всех аборигенов махровая фрустрация! Вон, посмотри!

Хазин указал на крепкую старуху, на плечах перетаскивающую велосипед через железнодорожные пути.

— Это, кажется, Снаткина, — сказал я.

— Так это же все объясняет!

Хазин притормозил, высунулся в окно.

— Женщина, вы знакомы с адмиралом Чичагиным? — спросил Хазин.

Старуха не ответила, стремясь через линию, шагала, держа велосипед как коромысло.

Снаткина. Я вспомнил. Мы с бабушкой сидели на веранде, мыли ноги в тазу нагретой за день водой, бабушка смеялась, пилила напильником съеденные кислотой ногти и уверяла, что до «двухсотых» не доживет никак. И когда я однажды спросил почему, бабушка ответила, что нет ничего там, за «двухсотыми», для нее, потому что там будет другой народ, а старому на этом месте никак не разжиться.

Но Снаткина была жива. И все так же с велосипедом.

После пива Хазин был настроен философически.

— В постмиллениуме жить неуютно, — разглагольствовал он. — По пятницам дуют колющие ветры и лестницы круты для велосипедистов! Бабушка, вам помочь?!

Снаткина не услышала, шагала, тяжело разгребая воздух велосипедом.

— Мне кажется, здесь для Чичагина есть перспективы. А ты эту тетку знаешь, что ли?

— Да, это знакомая... моей бабушки. Какая-то дальняя-предальняя родственница. Она... из хора ветеранов...

— Имени Чичагина! — тут же перебил Хазин и расхохотался. Возможно, все же не следовало с утра встречаться с пивом, подумал я. Хазин явно поплыл, стоит его из-за руля...

Мне за руль не хотелось.

Хазин выехал на старый переезд, остановился. Здесь не осталось ни шлагбаумов, ни фонарей, промасленная гравийная насыпь и выкрашенные бетонные плиты между рельсами.

— В восемьдесят седьмом через переезд везли одного дизелиста, — сказал я. — Он поссорился с женой, а она его топором в башку. Ничего так, доставать не стали, примотали бинтом. А на этом переезде тряхануло, у него топор из головы вывалился, мужик и помер от кровопотери.

Хазин оглянулся на переезд, усмехнулся:

— Это не Люся по случаю была? Мужебойца?

— Не, не Люся. Это Снаткина. Тетка с велосипедом.

— Эта тетка зарубила мужа?! — поразился Хазин.

— Говорили, что да. Он ее шукой избил, а она его топором уговорила. Кстати, музей на Советской, мы неправильно едем.

Хазин потрогал голову:

— Да, точно... Кстати, Чагинск мне нравится все больше. Тут есть где развернуться, не то что в области. Он ее шукой, она его топором, и над всем целлюлозно-бумажная АЭС имени адмирала Чичагина. А?

— Пожалуй...

Снаткина любила похороны. Бабушка говорила, что Снаткина на всех поминках первый гость, и не поест, а посмотреть больше. Наверняка и у бабушки Снаткина была.

Хазин развернулся на переезде и направился в сторону Советской.

— Надо Механошину подкинуть идею, — веселился Хазин. — Чичагин как отец-основатель! Как держатель ключа! Пусть Механошин привлечет общественные силы, добровольцев, молодежь, организует патруль... нет, лучше дружину! Пенсионеры Чагинска ждут, когда их переведут через железную дорогу в новое время! Приехали...

Хазин резко затормозил возле двухэтажного особняка, сложенного из ровной красивой лиственницы. Рядом с домом имелись три колодца разных конструкций, включая журавельный, из кустов выглядывал резной сортир, а за разноцветной клумбой возвышались могучие качели, срубленные явно без единого гвоздя, скрепленные дубовыми шипами; веревка же была спле-

тена из натуральной пеньки. Вполне может быть, что именно на таких качался Чичагин в детстве, подумал я и не удержался.

Пиво было отличным.

— Ты тоже об этом подумал? — спросил Хазин.

Как тут удержаться.

— Мне в первой половине дня думать вредно. Я думаю исключительно ближе к вечеру, тогда инсулин в крови концентрируется и мысли легки.

— Завидую. В нашей профессии сложно не думать, я постоянно думаю. Я думаю...

Хазин набрал в горсти волосы, подергал, массируя скальп и закатывая глаза.

— Одна моя подружка... ты ее не знаешь. Так вот, она училась на психфаке, а сейчас она, типа, рэйки, расстановщица...

Хазин дергал за волосы.

— И общается с богами? — уточнил я.

— Примерно... Так вот, есть такой прием для устранения... Помнишь «Мецената Нечерноземья»? После того раза у меня нервы несколько расстроились...

У него несколько расстроились нервы... Я вздохнул, потрогал шрам на подбородке. У меня после этого здоровье расстроилось, счастье, что временно.

— Помню этих джентльменов... — Хазин натягивал волосы. — Забавные... Хотели джаз за три копейки...

Хазин сфотографировал журавель.

Шрам был гладкий и выпуклый, от привычки поглаживать его я с трудом избавился лишь полгода назад.

— Так вот, эта расстановщица... — Хазин тянул себя за волосы вверх. — Огонь была расстановщица...

Я несколько насторожился: поминать расстановщиц перед важной встречей плохая примета, особенно поблизости от краеведческого музея, эффект может быть сокрушительным...

— Я серьезно говорю, насморк влет излечивала. Ментальным усилием... Через астрал... надо лишь научиться выстраивать мост...

Мысленный мост. Мост есть всегда, возможность есть всегда, переходить торопиться не стоит. Мост имени... Мост имени...

я попытался вспомнить, как называлась книга, но вспомнил только, что все главные герои провалились в пропасть в первой же главе.

— Надо представить, что ты на одном берегу, а все остальные на другом, — бубнил Хазин. — И эти остальные машут руками, кричат, подпрыгивают, но до тебя долетают бессмысленные обрывки и мельтешение. А по-хорошему видны лишь крупные объекты: элеватор, карьерные самосвалы, ну или там... любимая водокачка...

Хазин выдохнул, опустил волосы и теперь смотрел на блестящие от жира ладони. Потрогал себя за нос.

— Мне кажется, это фигня, — сказал я. — Есть же перетягивание каната.

— Насморк прошел, — возразил Хазин.

Я выбрался из машины. Я знал, что лучше остаться в ней, но выбора нет.

— А вот мне кажется, мы постепенно проникаемся, — сказал Хазин вдогонку. — Свет Чичагина, хочешь не хочешь, но слегка озаряет наш путь. Надо быть осторожным...

Чертовски верно, надо быть осторожным.

— А ты давно... сюда не заглядывал?

— Лет пятнадцать, — ответил я.

— Ну, возможно, ты удивишься...

Я поднялся на крыльцо, толкнул дверь музея. Меня нельзя удивить краеведческим музеем.

Здесь пахло, как всегда, чугуном, сухим льном и чем-то посторонне сладким. Болюсами, подумал я. Тинктурой. Или кремлевской таблеткой, вполне возможно, так она и пахнет.

Музей начинался с выставки-продажи «Здоровец», и на ней, как и докладывал Хазин, всю повышали иммунитет, подвижность суставов, общую локомоцию и частную перистальтику, повышали как приборно, так и медикаментозно, консультант немедленно предложил мне ирригатор, а Хазину целебный жир.

— «Жир семейства псовых...» — озадаченно прочитал Хазин с бутылочки. — «Состав: жир песка, жир лисы...»

— Очень помогает, — заверил консультант.

Но жир Хазин не приобрел, впрочем, как и я ирригатор.

Выставка была изобильна, особенно отдел чаги и дегтя, сам же музей несколько подвинулся дальше. Сразу за гардеробом и «Здоровцом» стоял верстовой столб. Елизаветинский тракт, тысяча восемьсот неизвестный год, судя по информационной табличке — последний сохранившийся столб в области.

Хазин сделал несколько снимков.

— Его, кстати, мы притащили, — похвастался я. — Гуляли с Федькой. И с Кристиной... Ходили за брусникой и нашли столб.

— И зачем вы его из леса перли?

Я пожал плечами:

— Не помню... Зачем-то... Похож на лесовика.

Так тогда сказала Кристина. Он действительно напоминал лесовика: заросший лишаями, почерневший, торчал из земли как большой гриб, а под ногой выросли опять. Федька тогда заорал, что сшибет эту рухлядь с одного удара, подпрыгнул и влупил лесовику пяткой в лоб.

Столб не сломался, но вывернулся из земли и упал; я думал, что из столба просыплется трухлявая ржавчина с муравьиными яйцами вперемешку, но столб оказался чистым. Он лишь потемнел, проморился в чайный цвет, но ни плесени, ни крылатых муравьев.

А Кристина тогда врезала Федьке по шее и сказала, что он придурок. Федька заржал и объявил, что под столбами всегда прячется клад, бухнулся на землю и стал копать в яме. А Кристина достала платок, приложила к дереву и плотно провела ладонью, на платке осталось лицо. Что-то похожее. Нос, глаза. Федька ржал еще громче и орал, что это ее жених, жених, жених. Кристина попыталась поднять столб, и я стал ей помогать. Потом мы катили и волокли его до города почти десять километров, до самого вечера.

— Воспоминания чрезвычайно утомительны, — сказал Хазин. — Прими жир песка.

— Кристина сказала, что это для альпийской горки, — вспомнил я. — Они строили горку возле кинотеатра, ей чего-то заплатить вроде собирались. Ну, мы его и волокли весь день. А потом его увидел смотритель музея...

— Бородулин, — сказал Хазин. — Директор Бородулин.

- Возможно, Бородулин.
- Не возможно, а так и есть. Вон торопится.

Я оглянулся. К ним действительно спешил Бородулин, невысокий мужчина в глаженных брюках и белой рубашке. Возможно, это был тот самый Бородулин, я его тогда плохо запомнил, а может, и новый.

— Я вас ждал, из мэрии звонили, — приветливо сказал Бородулин и протянул ладонь. — Добрый день. Пройдемте в кабинет?

Я пожал руку Бородулина и сказал:

— Давайте лучше в зале. Душновато сегодня, мы с утра в кабинетах...

— Тогда пожалуйста, — Бородулин кивнул. — Пройдемте. У нас здесь как раз отличная экспозиция светцов и подков, определенно лучшая на Северо-Западе. И выставка про Чагинск, она там, за забором...

Я хотел отказаться, светцы и подковы меня не занимали, а забор настораживал, но Хазин успел сказать:

- Непременно!
- Это здесь! — показал Бородулин.

При организации экспозиции руководство музея действительно проявило творческий подход и учло современные мотивы: подковы были приколочены к кривому забору, протянувшемуся от стены до стены, а светцы вбиты в старинный телеграфный столб. Для прохода в другую часть музея в заборе имелась убогая калитка.

— Это сами ребята придумали, — прокомментировал Бородулин.

Хазин восхитился, а я отметил, что утыканный светцами столб напоминает железную елку — если упадет, проткнет и задавит. Из-за забора робко выглянула пожилая женщина, то ли смотрительница, то ли заблудилась с выставки-продажи «Здоровец». Я вдруг представил — столб подкосился, упал на забор, а забор, в свою очередь, придавил тетеньку. И никакой калган тут не поможет, сфотографировать — и получится чудесный постер к фестивалю монгольской панк-музыки. Невыносимо захотелось приобрести ирригатор.

- Что-то в этом есть, — сказал Хазин. — Культура...

Мы приблизились к столбу и осмотрели. Я не очень разбирался в светцах, собственно, я раньше не знал, что они бывают. И зачем бывают. И впечатления светцы особого не произвели — черные кованые штыри. Имелась парочка более художественных образцов, загогулистых, все.

— Мы думаем вставить в светцы лучины и зажечь их! — сообщил Бородулин. — Есть идея проведения фестиваля самобытной культуры...

— Это грандиозно, — сказал Хазин и сфотографировал Бородулина на фоне столба и забора. — Лучины, подковы, определенно украсят Чичагин-фест.

— Чичагин-фест? — наивно спросил директор. — Фестиваль Чичагина?

Я двинулся вдоль забора, осматривал подковы, никогда не думал, что они настолько разнообразные.

— Разумеется. — Хазин сфотографировал забор без Бородулина. — Крыков работает в этом направлении. Приедут фанаты, реконструкторы, любители истории, родственники опять же...

Я потрогал шипастую подкову.

— Родственники? — растерялся директор.

— Конечно, — Хазин положил руку Бородулину на плечо. — Родственники. Мы, собирая материал для книги, провели некоторое расследование и нашли, по крайней мере, трех прямых потомков...

— Трех потомков...

Заканчивалась экспозиция на заборе выдающимся экспонатом — огромной подковой, по размерам в три раза превосходящей остальные, больше напоминавшей небольшой хомут. Эта подкова не висела на стене, а стояла, прислоненная к табуретке. Рядом стоял медведь. Чучело, разумеется.

— Ну, как сказать... — Я, как учили в спортзале, заранее напруг поясницу и приподнял подкову. — Предположительных потомков, пока еще до конца не ясно... Килограммов пять, не меньше...

— Предполагается, что это... — улыбнулся Бородулин. — Либо купеческая шутка, либо своеобразная рекламная продукция.

Найдена недалеко от Макарьевской ярмарки. Мы думаем, что с помощью...

— То есть она в единичном экземпляре? — спросил Хазин.

— Другой такой подковы не нашли, — подтвердил смотритель.

Хазин переглянулся с медведем.

— Возможно, это сувенир, — сказал Бородулин. — Всем известно, что подковы приносят счастье. Чем больше подкова, тем больше счастье...

Хазин сел на ближайший сундук, быстро сменил объектив, прицепил вспышку и начал фотографировать подкову.

— Чичагин любил лошадей, — сказал я.

Почему бы и нет?

— Большегрузов, — уточнил Хазин. — Другие его не выдерживали — Чичагин с самого детства отличался богатырскими размерами и ездил исключительно на... Этаких дестриэ. Это подкова с лошади Чичагина.

— Он таких на спор мог две дюжины подряд сломать, — сказал я.

— Он взваливал на плечи четырех крупных крепостных и переносил через реку, — добавил Хазин. — А на Масленицу один выходил против целой ватаги.

— Местные называли его Чича-Молоток, — добавил я.

— Чича-Молоток? — Бородулин поглядел на нас с окончательным испугом.

— Или Чича-Лом, — сказал Хазин.

Бородулин растерянно посмотрел на подкову. Хазин сфотографировал ее еще раз, сделал несколько записей в блокнот.

— Но ведь достоверных сведений не сохранилось... — сказал Бородулин.

Бородулин отчего-то указал пальцем на чучельного медведя в углу.

— Временно исполняющий обязанности губернатора заинтересован в развитии туристического кластера, — сказал я. — Чрезвычайно заинтересован.

Бородулин, видимо, загрустил.

— Я же вам в первую встречу говорил, — напомнил Хазин серьезным голосом. — Нам нужен материал для книги. История города и Чичагин в этой истории, Чичагин как моральный образец, Чичагин — беззаветный патриот, Чичагин в сердце каждого чичагинца, где-то так...

Директор Бородулин нервно огляделся. Но от подков и светцов поддержки не поступило, медведь и тот промолчал.

Раньше медведя в музее не стояло, хотя чучело выглядело заслуженно, медведь напомнил старого вислопленного боксера; медведь сутулился и потерянно смотрел на свои когти.

Бородулин спрятал руки в карманы. И тут же вытащил.

— Адмирал Антиох Чичагин никогда не жил в Чагинске, — выдохнул Бородулин. — Их вотчина была южнее, в Заингире.

Бородулин указал пальцем. Сука Крыков. Надо было и мне приложиться к банке.

— Он мог неоднократно приезжать сюда за провиантом, — возразил Хазин.

— По большому счету у нас про него мало кто знает, их дом был в Заингире... — Бородулин словно от холода потер руки. — А сам адмирал... он половину жизни провел в Италии...

Это действительно он, вспомнил я. Это он отобрал у нас столб. Тогда он был увереннее, отбирая у детей столб.

— У вас отличная коллекция светцов и подков, — сказал я. — Я напишу про нее в «Вопросы истории». Но мы все-таки по другому делу, не так ли?

— Да, я в курсе. Я расскажу вам про город...

Бородулин указал на калитку в заборе.

За забором располагалась выставка «Чагинск в XI–XX веках: история развития», на изнанке забора висели стенды с фотографиями, вдоль стен сундуки, на стенах половики.

— Тут тоже медведь, — сказал Хазин, пройдя в калитку.

Я обернулся. Действительно, в углу за старинным медицинским шкафом стояло еще одно чучело сутулого медведя с покорными лапами.

— Это Сарычев подарил, — объяснил показавшийся из калитки Бородулин. — Известный охотник и таксидермист. Он по-

жертвовал нам большую часть своей коллекции, к сожалению, у нас были проблемы... с мышами...

Пива мне. Я не хотел ехать в Чагинск. Опасался, что так все и случится. Проблемы с муравьями, проблемы с мышами, Сарычев-таксидермист, светец и стрекоза, Чичагин как символ беззаветности, тысячелетняя история, рыба, скот... не хотел никого видеть.

— Чичагин, похоже... — Хазин покосился на чучело. — Любил...

— Чего любил? — насторожился Бородулин.

— С медведями позабавиться, — объяснил Хазин. — С рогатиной то есть.

Изобразил, как с рогатиной, сфотографировал медведя. Бородулин не стал спорить.

— Нет, — возразил я. — С рогатиной позже ходили, когда народец стал пожиже. А в конце восемнадцатого ходили с особым устройством. Брели дубовый куб, набивали в него трехдюймовых гвоздей и проваривали в смоле. Шли в лес и, заведя медведя, кидали ему в лапы. И пока медведь мял эту кубышку, ему вспарывали серпом брюхо. В народе это приспособление называлось...

— Рожон!

Возможно, Хазина пора уводить.

А Бородулин, как мне показалось, слегка подпрыгнул. А так ему и надо.

— При чем здесь рожон? — робко спросил он.

— Именно он, — подтвердил я. — Да, впоследствии так стали называть перекладину на рогатине, но изначально... это был предмет, который совали медведю в рожу, — рожон.

— Наш губернатор тоже так любит, — брякнул Хазин. — То есть временный исполняющий. В прошлую зиму двух рожном поднял!

Хазин сочувственно подмигнул медведю.

— Давайте я лучше расскажу вам про наш город, — взял себя в руки Бородулин. — Вкратце, основные вехи, так сказать. Историки сходятся, что город называли в честь изобилия чаги в окрестных березовых лесах...

Однажды мы отправились на подрывное поле. Я, Кристина, Федька. За порохом и осколками. Федька нашел половину снаряда. Мы хотели его в музей сдать, но не дотащили, так и бросили где-то по пути. Бросили...

А потом еще раз туда ходили, искали жемчужниц, за подрывным полем текла Сендега, самое начало Сендеги из трех ключей, и еще не речка, а ручей — перепрыгнуть можно. Мы с Федькой полезли в воду ловить ракушки, а Кристина собирала землянику по лесной опушке. Вода оказалась ледяной, но Федька уверял, что спичечный коробок жемчужниц можно сдать в приемку и заплатят вполне себе неплохо, а жемчужниц здесь полным-полно. Я Федьке не особо верил, но ракушек оказалось действительно много — довольно быстро набрали ведро. Мы изрядно замерзли, но из воды вылезли, когда перестали чувствовать пальцы на ногах. Федька достал охотничьи спички и быстро развел костер, мы грели пятки и вскрывали ракушки.

— ...Галич Мерьский к тому времени был в составе Московского княжества, — Бородулин ткнул пальцем в карту. — Фактически это была вотчина Дмитрия Донского...

Жемчужина нашлась только одна, и попалась она Федьке. Не очень ровная, похожая на блестящий комочек рисовой каши. Я тогда испугался, что он подарит ее Кристине, но жадный Федька убрал жемчужину в коробочку из-под крючков. Кристина усмехнулась в сторону и поставила на огонь котелок с земляникой и листьями черной смородины. А Федька сказал, что хочет жрать, насадил жемчужниц на прутик и стал жарить. Получилась дрянь. А чай хороший...

— ...В тысяча восемьсот девяносто четвертом году в месте слияния с Нельшой была открыта мануфактура Энгера Мак Кара, занимавшаяся производством керосиновых ламп. Интересный факт — несколько лет назад нам написали русские туристы, путешествующие по Южной Америке. В перуанском городе Арекипа в одном из монастырей они нашли лампу, произведенную в чагинской мануфактуре Мак Кара...

— Не спи!

Хазин ткнул меня в бок.

— ...В тысяча девятьсот сорок втором году в Чагинске работало несколько предприятий. «Музлесдревк» выпускал ложа для автоматов «ППШ» и винтовок «СВТ», льнозавод обрабатывал американский хлопок для производства пороха, завод, расположенный в военной части, перезаряжал снаряды, смолокурка предоставляла широкий ассортимент для авиационной промышленности, на башне бывшей лечебницы...

Бородулин сопровождал рассказ лазерной указкой, прицел бегал по фотографиям, я не успевал следить, Бородулин рассказывал слишком быстро, а Хазин в руках держал острогу, видимо, часть экспозиции.

— ...Работники всех предприятий отказались от недельной заработной платы, и на эти средства был построен танк «Т-34». Он принял участие в Сталинградской битве.

Бородулин навел указку в центр стенда «Чагинск в Великой Отечественной». Я вгляделся. На фотографии был «Т-34», веселый экипаж сидел на броне, а на самой башне крупными белыми буквами было написано «ПЕРЕСВЕТ».

— Танк называли в честь героя Куликовской битвы Александра Пересвета, — сообщил Бородулин.

— Он разве местный? — спросил Хазин.

— Не-ет... — растерянно сказал Бородулин. — То есть...

— То есть Пересвет мог бывать в Чагинске? — спросил я вкрадчиво.

— Нет! — взвизгнул Бородулин. — Тогда еще никакого Чагинска не было!

— Почему тогда танк так называли?

Бородулин застыл, затем начал быстро рассказывать:

— Я пытался проследить происхождение, кое-что удалось. Дело в том, что в нашем городе проживало несколько ветеранов Русско-японской войны, в частности матросы, оборонявшие Порт-Артур. Вероятно, некоторые из них служили на «Ретвизане» и на «Пересвете»...

Бородулин указал на соседний стенд: «Чагинск в начале XX века». Большую часть стенда занимали снимки бородатых мужиков на фоне снопов и молотилок, построенная до полови-

ны водокачка, огромный штабель бревен, снова бородатые мужики, но на этот раз с огромным осетром в руках.

Пиво. Осетр копченый, золотой и прозрачный, пирог с вязигой, вязига — это мозг осетра. Вот откуда острога.

В нижнем правом углу стенда действительно имелись снимки разрушенного Порт-Артура и броненосцев «Ретвизан» и «Пересвет».

— ...И «Пересвет», и «Ретвизан» были затоплены, потом их подняли японцы и они состояли во флоте императора... Матросы же вернулись в Россию через Китай, это важное обстоятельство. Поясняю — в начале века на восток тянули вторую линию железной дороги, в Чагинске как раз располагались бараки китайских рабочих — строителей.

Бородулин перевел внимание на другую фотографию. На ней изображались китайцы, стоящие возле шпалопропиточной цистерны и тоже держащие в руках большую рыбу, но, как заметил я, сома. Копченый плес сома хорош, особенно с пивом.

— Матросы работали переводчиками. После того как участок Буй-Свеча был завершен, китайцы перебрались на восток, матросы же остались в Чагинске...

— Понятно, понятно, — остановил директора Хазин. — Город имеет давние морские традиции, так я понял?

— Да, — устало сказал Бородулин. — Да...

— История здесь в каждом камне, так? — сказал Хазин. — Пересвет, Чичагин... Кстати, а танка «ЧИЧАГИН» не было?

— Кажется, нет...

— Жаль, — вздохнул Хазин. — Танк «Адмирал Чичагин» нам бы весьма подошел. Может, торпедный катер? Хотя если смотреть на все шире... История — это не догма, верно?

— У нас здесь не Суздаль, какая у нас история... — заметил Бородулин. — Мы не упоминаемся даже в удельных летописях, хотя новый раскоп на Чагинской горке... мы планируем получить финансирование раскопок урочища «ИНГИРЬ-3»...

Мне не нравился Бородулин. Раньше в музее работал «КРЮК» — кружок юных краеведов, теперь здесь «Здоровец».

— Раскоп мы обязательно учтем, — сказал я. — Не сомневаюсь, там найдут много интересного. Но нам...

Хазин попробовал острогу ногтем.

— Но нам уже пора, — закончил он. — Вы, пожалуйста, систематизируйте информацию и предоставьте...

Хазин не успел договорить, Бородулин сунул руку в карман, достал синюю дискету, протянул мне.

— Тут все, — сказал он. — Цифры в основном. Знаете, я ведь сам когда-то... собирался...

Бородулин улыбнулся:

— Собирался написать про Чагинск небольшую работу... Но... Нет никаких возможностей... А из администрации предложили...

— Алексей Степанович непременно вам компенсирует, — пообещал я.

— Кто? — не понял Бородулин.

— Алексей Степанович, — весомо подтвердил Хазин. — Он ценит краеведческие инициативы.

Хазин похлопал Бородулина по плечу, задумался и произнес:

— Алексей Степанович серьезно настроен.

Хазин воткнул острогу в пень и вышел через калитку в заборе.

— Он умеет быть благодарным, — подтвердил я.

— Если хотите, можете поработать в архиве... — неуверенно предложил Бородулин. — Сейчас там, правда, света нет, но завтра починят...

— Обязательно поработаем. На днях зайдем — и поработаем.

И я вышел через калитку в заборе.

Хазин торговался с продавцом скипидарных растворов, пытаясь выяснить перспективы получения третьей банки бесплатно. Я не без труда вытащил его из музея, мы вернулись в машину; пиво почти не теплело, хорошее пиво всегда долго держит прохладу.

Кристина ходила в «КРЮК» два года. Однажды Кристина нашла на чердаке саперный тесак и принесла его Бородулину, и он поместил тесак на главную витрину. Кристина очень гордилась, и мы три раза ходили смотреть на тесак, а на следующее лето тесака в музее уже не выставлялось.

— Зачем мы тут были? — спросил Хазин, сделав хороший глоток.

— Надо начинать работать, — ответил я.

— Надо... Но это сложно... Это практически рожон...

— Воспринимайте историю объективно, как бы фантастически ни выглядели ее проявления, — сказал я. — Так учил Марк Блок.

Хазин вздохнул.

Я достал дискету, она воняла табаком. Я представил, как Бородулин сидел зимними вечерами за компьютером, пил чай и набивал главы «Лесхоз — флагман промышленного роста», «Грузовой двор: курс на длинносоставные поезда», «Колбасному цеху — быть!». Так ему и надо.

— Надо работать, — согласился Хазин. — У тебя есть что-нибудь?

У меня имелось три матричных текста, пожалуй, под Чагинск подходил номер третий.

— Всегда в тебе уверен, — Хазин обернулся, передал банку с пивом. — На подверстать фотки дня три понадобятся.

— Ага.

После первого глотка я опять подумал, что идея по утрам заезжать в «Чагу» — правильная.

— Думаю, пора говорить с Механошиным об авансе, — принялся рассуждать Хазин. — Тут явно вредные производственные условия, у меня аллергия на всякую шерсть... В том смысле, я не шерстяной... Слушай, они карьер точно под бумажный комбинат копают? А вдруг реально под АЭС?!

— Этот вопрос нельзя воспринимать...

В крышу машины ударили:

— Уезжай отсюда! Бабка тебе разве не говорила?

Крикнули над ухом.

Хазин подпрыгнул. Я вздрогнул и стукнул зубами о баночное горло. Не успел ответить, Снаткина уходила, велосипед катила, как обычно, под правым боком.

— Душевно обоссался, — сказал Хазин. — Это которая мужика своего зарубила?

— Да, — ответил я.

И сделал еще три больших глотка. Передал банку, Хазин тоже выпил.

— Она что, тебя знает?

— Вроде...

— Могучая бабка, посмотри, какая спина! Такая могла за-просто...

Хазин сфотографировал спину Снаткиной. Я промолчал.

— Здесь как-то... так. — Хазин достал из кармана сушку, за-нюхал. — Эти штыри, исполинские подковы, медведи сушеные, мази скипидарные...

Хазин зажал банку с пивом коленями, достал сигареты, за-курил.

— Странное... впечатление... Ты не чувствуешь?

— Возможно...

— Тебе не кажется, что... — Хазин поморщился. — Здесь не-который перебор?

— Вопрос оптики. А в целом... стандартный вальс с осьми-ногами.

— Не, — помотал головой Хазин. — Тут не то... Я не понимаю пока, но тут что-то не то. Тут странно, тут осьминоги... другие.

Хазин выпустил дым в банку, прикрыл крышкой, взболтал, открыл, отхлебнул.

— Люблю с дымком...

Хазин взялся за вторую сигарету.

— Не усложняй, Хазин. Пусть что хотят, то и осьминожат, наше дело три свистка. Я пишу, ты снимаешь.

— Разумно...

Хазин отпил еще.

— Нам сегодня еще в клуб, — напомнил я.

— Да-да... — Хазин закрыл банку, убрал за кресло. — Я всегда любил много работать. Мне кажется, этот мудак Крыков что-то недоговаривает... Почему деньги идут через Механошина? По-чему их так много? Почему...

— Поехали, Хазин!

Хазин запустил двигатель.

— Ты с завом созвонился?

— Там заведующая... — поправил Хазин. — Некая Зинаида Захаровна. Ты в этом клубе бывал раньше?

Хазин вырулил от музея.

— Ну как...

— Слушай, а может, не в клуб сначала, а пообедаем? — спросил Хазин. — При виде подковы у меня разыгрался аппетит... Чичагин бы одобрил...

— В клуб. Клуб, потом телевышка. Потом обед.

Хазин вздохнул:

— Зачем телевышка? Виктор, как может быть телевышка связана с адмиралом Чичагиным? Он что, покровитель телевышек?

Хазин утомительно думал вслух: про интернет, коего явный повсеместный недостаток, про некоего католического святого, вроде как признанного его покровителем, про то, что и адмирал Чичагин вполне достоин быть покровителем чего-либо. Например, сотовой связи.

— Допустим, Антиох Чичагин был... был проводником и пропагандистом... громоотводов. Он учил жителей пользоваться громоотводами и строил дощатые тротуары. Громоотводы похожи на вышки, а тротуары служат для связи... Послушай, а если подогнать мобильных операторов, а? Тут нет связи, а это...

Профдеформация. И у меня, и у Хазины. Любая, самая несложная работа разворачивается в голове десятком вариантов, порой это утомительно.

В самом-самом начале мы с Хазиным поднимали полудохлый санаторий с грязелечением и марциальными водами. Хазин предлагал двигать санаторий под слоганом «Из грязи в князи» и заготовил под эту пробу билборды — высокий мужчина в богатой боярской одежде и с бокалом коньяка стоит на берегу грязевой лужи и явно успокоен жизнью. Кроме того, Хазин распустил слух, что санаторий скоро купят турки и закроют его для местных, построив настоящий бальнеологический курорт. Эти шаги дали результат, посещаемость санатория повысилась на треть. Руководство было довольно результатами, но я не собирался останавливаться на достигнутом и заказал еще четыре билборда, расставил их вдоль федеральной трассы, за двадцать, десять, пять и за километр до отворота в сторону санатория.

На билбордах было написано честно, что представляет собой санаторий, и они простояли меньше недели, прежде чем их велели убрать. Однако в течение следующего месяца путевки в здравницу распродали на полгода вперед. Тогда мы немного заработали, я съездил в Турцию, Хазин купил «шестерку». А вернувшись из Турции, обнаружил, что грязевой санаторий действительно купили турки. После этого нас с Хaziным пригласили в команду депутата, баллотировавшегося в областную думу. Хорошее время. Я работал. Сочинял много и с удовольствием.

— ...И тогда Чичагин достает трубку, набирает номер и командует: «Полный поворот кругом!» И бортовой залп!

Это Хазин изложил мне концепт рекламного ролика про Чичагина и сотовую связь.

— Неплохо, — согласился я.

— Предлагаю серию роликов «Герои и современность». Адмирал Чичагин использует мобильную связь в битве при Синопе, адмирал Чичагин спускает на воду атомный подводный крейсер «Звенигород», адмирал открывает первую термоядерную электростанцию... Надо, кстати, предложить Алексею Степановичу...

— Хазин, сиди пока, — посоветовал я. — Пусть Крыков работает, наше дело книга...

— Говорят, у него брат карлик, — перебил Хазин.

— И что?

— Это значит, что в его семье карликовость так или иначе присутствует в генах. И если он внешне не карлик...

Я невольно вспомнил Крыкова.

— Он ментальный карлик! — с отвращением произнес Хазин. — Нравственный карлик! Слушай, у него подозрительно маленькие ручонки...

— Давай прокатимся, Хазин, — предложил я.

— Зачем?

— Проветриться надо. Едем через Новый мост.

— Как скажешь... Это крюк.

Хазин свернул на Банную, мимо облупленной бани, не доезжая до РИКовского моста налево, на Набережную, мимо бывшего магазина льнозавода.

— Я шорты изо льна купил, думал, дышат, а в них ходить невозможно — задницу натирает вусмерть, — сказал Хазин.

Потом на бетонку и направо, к Новому мосту.

— У льняной промышленности нет будущего, факт, — заключил Хазин. — Разве что... нет, никакого.

— Ты заблуждаешься. Во-первых, масло. По питательным свойствам не уступает рыбьему жиру. Во-вторых, пакля. Для слесарных работ ничего лучше льна не придумано. А в-третьих, одежда для космонавтов. В космосе невесомость, трусы не натирают.

Остановились на Новом мосту. В Чагинске три речных моста, когда-то Ингирь был не в пример шире и полноводнее, в нем водились крепкие ерши с овальными лиловыми глазами, и сам Чагинск выглядел на карте островом.

Похожим на треуголку, вдруг подумал я.

— Чичагин носил треуголку, — сказал я.

Новый мост закончен в восемьдесят пятом году как важная часть магистрали Кострома — Галич — Шарья. В отличие от РИКовского моста, выдерживающего транспорт не тяжелее восьми тонн, Новый мост рассчитан на гораздо большие нагрузки. Это позволяет предположить, что Новый мост — важное звено в транспортной системе ракетных сил стратегического назначения. Вода здесь стального цвета. На РИКовском всегда синяя. А на висячем черная. Новый мост — самый высокий из трех, воздух над Ингирем постоянно в движении, сюда приезжают стучать голавлей и трезветь.

Отсюда прекрасно виден город. Федька рассказывал, что один пацан из военного городка прошел по перилам от левого берега к правому.

— Чичагин мог жонглировать тремя пудовыми ядрами, — сказал Хазин. — А мы опаздываем к Зинаиде Захаровне.

Верно, собирались работать. Глава «Культурный центр Чагинского района». Еще не отгремели молотки в паровозном депо, как были выделены средства на другой объект. Особенно много сделали на стройке железнодорожники комсомольской ячейки, которую возглавлял С. Т. Данилевский. И вот скоро сказка стала явью.

— Она заведующая клубом...

Мне не хотелось в клуб, но я понимал, что он неотвратим. Я посещал, по крайней мере, десяток клубов, два из них были построены железнодорожниками, в некоторых имелись спортзалы, в других работали кружки народного вокала, неотвратимы были все.

— У меня соседка тоже заведующая клубом. Женщина многих достоинств и большого мастерства...

Хазин повернул ключ зажигания.

— Любит поиграть...

«Шестерка» заводилась долго, и Хазин долго вспоминал свою соседку, ее невероятно сильную женскую конституцию, но при этом парадоксально высокий духовный уровень.

— ...И вот все деньги, что копила, она потратила на синтезатор...

Кое-как поехали.

Соседка Хазина копила деньги на поездку в Египет, но купила на эти деньги синтезатор, чтобы преподавать на нем музыку; кроме того, всех своих кавалеров так или иначе привлекала к помощи делу дополнительного образования: кто-то циклевал паркет в спортзале, кто-то чинил телевизоры, Хазин делал фотоальбомы. Через километр нас догнал запах железа, леса и солянки, сзади принялись сигналить — к нам притерся нетерпеливый лесовоз. Мы ехали к Зинаиде Захаровне, и я пытался представить, на кого она похожа.

— В сущности, это все подлая инверсия Гоголя, — рассуждал Хазин. — Чичиков приезжает к Коробочке, а она давно в коробочках! Приезжает к Собакевичу, а там сплошной русский хорт. А Прокурора задавило чугунной скамейкой. И Ноздрев на клавикордах бацает и бацает, о Русь, взмахни крылами, ты-ры-ры-ры-ры-ры...

Я потерял нить его мыслей, представляя скорую Зинаиду Захаровну. Хазин тошнил, и лесовоз решил на обгон, гремел цепями и мстительно плюнул в окно выхлопным облаком сажи. Я успел задержать дыхание, а Хазин нет, захлебнулся, и от этого у него испортилось настроение, и до самого города Хазин кашлял.

Вернувшись в Чагинск, Хазин не стал привычно погружаться в переулки, а поехал по Вокзальной, через два квартала свернул на Дружбу — приехали.

Клуб.

— ...И вот сказка стала былью, — сказал я. — Красивое каменное двухэтажное здание, оформленное московскими художниками. Просторный актовый зал, светлый вестибюль, спортивный зал, тридцать кружков и секций — прекрасное место для продвижения культурной работы...

Я вдруг вспомнил, что Пол Маккартни был женат на одноногой.

— Адмирал Чичагин всегда выступал за культуру, — согласился Хазин. — В Италии он приобрел несколько пейзажей Бернардо Белотто, но, к сожалению, след этих шедевров утерян.

— Открылось летнее кафе «Теремок», — добавил я. — Открылся клуб осознанной трезвости «Оптималь».

— Чичагин всегда выступал за осознанную трезвость.

Взбежали по широким ступеням, Хазин толкнул дверь клуба, и мы вошли в прохладный вестибюль. От оформления в пятьдесят шестом московскими художниками осталось не так уж много: на левой стене трудился мужик с рубчатым лицом, на правой стороне тревожно всматривалась в небо женщина-авиатор, напоминавшая рыбу-молот. Про то, что Чичагин предсказывал развитие авиации, Хазин промолчал — поперек широкого фойе лежал на боку фанерный мужик исполинских размеров.

— Интересно, — сказал Хазин.

Два мальчика под руководством сильно перепачканной краской тетki покрывали его коричневой грунтовкой.

— Думаю, все-таки Гулливер, — заметил я.

— Согласен, — сказал Хазин и сфотографировал.

Кабинет заведующей находился на втором этаже, рядом с помещением драмкружка. Лестница была заставлена бумажными цилиндрами и кубами поролона, в коридоре второго этажа пахло кислым клеем, вдоль стены стояли разошедшиеся деревянные куклы, заведующая клубом Зинаида Захаровна считала на калькуляторе в своем кабинете.

— Вы от Станислава? — улыбнулась Зинаида Захаровна.

Я представлял ее иначе.

— От Крыкова, — подтвердил я. — И от Александра Федоровича. Мы собираем материал об истории Чагинска и о его современности, в частности нас интересует ваш...

Дом творческих компетенций; как сейчас клуб называется, я забыл.

— КСЦ, — подсказала Зинаида Захаровна. — Культурно-спортивный центр «Дружба».

— Культура, просвещение, досуг. — Хазин снял заведующую. — Читатель хочет знать, как приумножилось достояние...

— Знаю-знаю! — Зинаида Захаровна бодро вскочила с места. — Пройдемте, там все готово!

Лет ей, пожалуй, сорок.

Зинаида Захаровна выскользнула из кабинета, мы пошагали за ней. Хазин щелкал за спиной фотоаппаратом.

Клуб — стандартная точка локфика. Клуб, лучшая школа, поликлиника, памятник энтузиастам тыла, локомотивное депо, комбикормовый комбинат.

— ...Наш клуб является признанным культурным центром всего района. На нашей базе проводятся ежегодные смотры школьной самодеятельности, соревнования по боксу и самбо, ставятся спектакли, организуются дискотеки и танцевальные вечера...

Хазин снимал с локтя, Зинаида Захаровна рассказывала. Я отметил, что получалось у нее суховато: возможно, журфак, воодушевление отчетливо натужно. По-хорошему записать бы на диктофон, но особого резона нет, все равно трафарет готов.

— ...Старейшему работнику скоро восемьдесят, а самому молодому шестнадцать...

Мы спустились на первый этаж, преодолели холодные коридоры и светлые рекреации КСЦ «Дружба» и оказались в небольшом симпатичном загончике, расписанном в морской тематике. Рыбы, осьминоги, затонувший корабль, веселая подводная лодка.

— Проходите! — Зинаида Захаровна гостеприимно толкнула субмарину в бок.

Открылся полукруглый ход, я вступил в темноту подводной лодки и остановился. Щелкнул выключатель.

Первые несколько секунд я даже не пытался понять.

Зинаида Захаровна стояла под шляпкой огромного мухомора.

В принципе, я привык, но здесь, похоже... Хазин прав, с перебором.

— Мы клеили его два месяца! — восторженно объявила Зинаида Захаровна. — Как вам?

— То, что мы искали! — Хазин сфотографировал заведующую под мухомором.

Перебор.

Зинаида Захаровна обняла мухомор.

— Знаете, лет десять назад мы начали собирать игрушки, которые мастерили дети в наших кружках. И сейчас у нас самая богатая коллекция в области!

Несомненно, самая. Помещение размером со школьный класс было плотно заполнено самодельными игрушками. Из дерева, из проволоки и пластмассы, из резиновых покрышек и пластиковых бутылок, Серый волк из старого велосипеда, сороконожка из теннисных мячей, в углу тускло и печально поблескивал Железный Дровосек в полный рост, составленный из ведер, цепей и молочного бидона. Мне тоже захотелось обнять гигантский мухомор, я в очередной раз склонялся к тому, что противостоять этому бессмысленно. На полу лежал длинный шланг.

— Каа? — спросил Хазин.

Немного жутковато. Народ склонен к конструированию игрушек, это всегда настораживает.

— Это наш Кузя! — Зинаида Захаровна с гордостью указала на шланг. — Знаете, это самый старый жилец нашего зала, можно сказать, долгожитель...

Я заметил, что Кузя не есть удав в полном понимании этого слова: кто-то приладил ему к брюху длинные красные плавники — стал драконом.

— Его делают из старых носков! — доверительным шепотом сообщила заведующая. — И каждый год его длина увеличивается на полтора метра!

Скорее вытянутый аксолотль.

— Это потрясающе, — сказал я.

— Все обожают с ним фотографироваться! — хлопнула в ладоши Зинаида Захаровна. — Потому что он приносит удачу!

Зинаида Захаровна схватила носочного удава, вручила Хазину голову и несколько раз обошла вокруг. Хазин тут же запутался в змее и стал похож на Лаокоона, и Зинаида Захаровна сфотографировала его на казенный фотоаппарат.

— Просто чудесно! — радовалась Зинаида Захаровна. — Отличные снимки!

— Мы обязательно поместим их в книгу, — пообещал я.

Хазин стал освобождаться от Кузи, но случилась странная штука — удав словно прилип к хазинской куртке, обвинил ее во круг и отпускать явно не собирался.

— Он у нас с секретом, — игриво объявила Зинаида Захаровна. — Не отпускает просто так, надо знать волшебное слово!

Хазин попытался отлепиться от удава с усилием, но в носочной твари, похоже, действительно имелся секрет — отлипая от Хазина в одном месте, он немедленно прилипал в другом.

Зинаида Захаровна наслаждалась. И я, в общем-то.

— Пусть пока товарищ подумает, а мы подойдем к главному. — Зинаида Захаровна взяла меня за руку. — К тому, что вы хотели увидеть!

Хазин бился в объятиях античности, а мы с заведующей переместились в противоположную сторону комнаты, где стояли елка и стог.

Впрочем, вблизи обнаружилось, что это не стог.

— Вот! — Зинаида Захаровна с гордостью указала на фигуру. — Это и есть наша гордость!

Со стороны Хазина послышался стон.

Честно говоря, я представлял Чичагина несколько иным. Более каноническим, что ли. А здешний был изготовлен из разных материалов; основной корпус, насколько я понял, из пня, добытого вместе с корнями. Центральную часть покрывала проволоочная алюминиевая кольчуга, вместо рук суровые и корявые дубины, в могучих руках адмирал держал колесо от телеги, оно, видимо, символизировало штурвал, голова... Я не понял, из чего

она построена, мне показалось, что каким-то хитрым образом сложена из старых книг.

— Это наши педагоги придумали, — улыбнулась Зинаида Захаровна. — Он как бы корнями в родной земле, в руках правило, а книга — всему голова. Первое место на областном конкурсе получили!

Я подумал, что зря мы сегодня так — музей, потом клуб, реально перебор, на телевышку никаких сил не останется.

Хазин между тем проиграл сражение со змеем, окончательно в нем запутавшись, и покорно уселся на сундук.

— Мы к нему липучки пришиваем, — пояснила Зинаида Захаровна. — Вы пока посидите, отдохните, я вас потом отлеплю. А мы пока посмотрим на нашего героя!

Выпитое пиво едва не ударило в нос, я с трудом удержался, чтобы неприлично не икнуть на заведующую. Телевышку я не переживу.

— Я его почти узнал, — устало сказал Хазин.

— Да, это он, — подтвердила Зинаида Захаровна. — Это он, гордость нашей северной земли!

«Заслуженный работник культуры РФ» — я заметил значок на пиджаке заведующей.

— Я, честно говоря, представлял его несколько иным.

— Как же он может быть иным? — совершенно серьезно спросила Зинаида Захаровна.

Ну да. Я представил тот знаменитый бой, фрегат «Невыносимый» атакует турецкую эскадру, а на капитанском мостике стоит вросший в палубу деревянный адмирал.

— Наш богатырь. — Зинаида Захаровна с гордостью подержалась за правую руку скульптуры. — Наша опора!

Я представил это в книге. Глава 2 «Адмирал Чичагин vs Урфин Джюс». С разбегу о баттерфляй.

— Это чрезвычайно интересно, — сказал я. — А там что?

Я указал на листы, развешанные по стене.

— А это наш конкурс на лучший детский рисунок!

Хазин, поглощенный питоном, громко вздохнул.

— Не волнуйтесь, я сейчас! — Зинаида Захаровна принялась выручать его из носочного змея, а я посмотрел на стену.

Я такое и раньше замечал, особенно в первый день.

В первый день приезда в Чагинск со мной частенько происходили странные вещи. Я выходил из поезда, и на перроне мне на ногу наступал английский дог. Мужик, спящий на скамейке Вокзальной площади, просыпался и предлагал угнать грузовик, принадлежащий «Гортопу». Федька Сватов, с которым мы дружили пять лет каждое лето, не узнавал меня, встретив на улице. В хозяйственном магазине ко мне подходил незнакомый старик и дарил квадратный будильник «Севан». В продуктовый магазин залетал желтый попугай. Улицы в первый день казались чересчур прямыми и острыми, бабушка разговаривала смешными словами и не смотрела в глаза, вещи, оставленные мною в прошлом году, казались чужими, я чувствовал себя лишним и не мог понять, зачем я сюда приехал.

Через два-три дня ситуация менялась, Чагинск обретал черты, углы утрачивали резкость, дома оплывали, а Федька заезжал с утра на велосипеде и свистел под окном, вызывая гулять. Бабушка пекла пирожки через день, а «Севан» отказывался ходить, хотя я по всем правилам швырял его в подушку. Попугаи больше не безобразничали, но в рядках селилась мрачная жаба.

— Не дрягайте шеей! — хихикала Зинаида Захаровна. — Я сейчас отстегну... Нет, резать не будем, вы что?! У нас же День города скоро! А мы Кузю всегда на него берем! Нам со всего города носки приносят!

Как-то раз, во время зимних каникул, я подхватил свинку. Организм отреагировал, распухла шея и щеки, а в глазах поселились зигзаги, от которых я не мог свести зрение и видел маленьких снеговиков. Прозрачных серых снеговиков, напоминавших гантели, эти снеговики сидели на всех горизонтальных поверхностях и начинали покачиваться с тонким звоном, стоило хоть чуть пошевелить головой. Снеговики не были страшными, но количество их увеличивалось с каждым днем, кроме того, мне стало казаться, что я схожу с ума, я стал бояться просыпаться и засыпать. Потом доктор сказал, что это нормально — мозг реагирует на присутствие в организме вируса, я запомнил.

— «Дети рисуют Перу́»? — услышал я Хазина.

Хазин стоял рядом и разглядывал рисунки.

— «Дети рисуют Пёру», — поправила Зинаида Захаровна. — Я же говорю, на День города у нас традиционный конкурс детского рисунка и выставка поделок...

Я заметил, что освободиться от змея Хазину не удалось, и это явно доставляло дискомфорт — Хазин утратил подвижность и свободу в движениях, точно на плечах и вокруг туловища у него лежал настоящий удав, а не кишка из чулок, носков и свитерных рукавов.

— У вас куртка шерстяная, вот вы и завязли, — пояснила Зинаида Захаровна. — Я принесу пинцет, и мы вас выцарапаем, не переживайте!

— Кто такой Перá? — осторожно спросил Хазин.

— Не Перá, а Пёра, — опять поправила Зинаида Захаровна.

— Пера...

Хазин поглядел на меня. Я в общих чертах начал понимать, кто такой Пера — на рисунках изображался коренастый и приземистый мужчина в меховой шапке и жилетке, в руках оглобля, на поясе палица. Мужчина предстал перед нами в различных обстоятельствах своей, по-видимому, интенсивной героической жизни. Вот он с помощью оглобли проучает многочисленных вогульских захватчиков, вот две седмицы держит на своих богатырских плечах колокольню в Перми Великой, вот с удовольствием поедает два чана пареного ягеля, вот ошкуривает поутру кровожадного и подлого Войпеля.

— Выразительно, — сказал я.

Почему мы не знаем про Перу? Почему Чичагин? Он ведь большую часть прожил в Италии...

Чичагина предложил Крыков.

— Вы же хотели посмотреть рисунки, так? — насторожилась Зинаида Захаровна. — Мы каждый год рисуем какого-нибудь местного героя, это развивает любовь к родному краю, развивает культуру... Станислав сказал, что вы должны посмотреть наш центр и ознакомиться с нашим конкурсом... я все правильно поняла?

Крыков, сука.

Войпель сильно напоминал Ктулху. Так ему и надо.

— Абсолютно, — ответил я. — Однако...

— Я думал, это будет Чичагин... — растерянно сказал Хазин. — Ну, то есть...

Хазин покачал головой.

— При чем здесь Чичагин? — удивилась в свою очередь Зинаида Захаровна. — Чичагин... это который адмирал?

— Адмирал. Понимаете...

Я доверительно взял Зинаиду Захаровну за локоть.

— Все очень правильно, — я указал на Перу. — Изучение истоков это, несомненно, большое благо. Но...

Я неосторожно повернулся к Пере спиной и почувствовал, что вот сейчас он укрепит меня дубиной в шею. Оглянулся. Пере оставался недвижим.

— Администрация планирует праздник, как вы знаете, — сообщил я конфиденциальным голосом. — День города. Но необычный. Дело в том, что в этом году двести шестьдесят лет со дня рождения Антиоха Чичагина. Великого гражданина и...

— Решено объединить, — перебил Хазин.

— В общем, верно, — подтвердил я. — И провести ряд мероприятий в ознаменование его памяти. Чагинские чтения на базе библиотеки, издание книги, Чичагинский фестиваль... опять же, памятник...

— Памятник? Но я думала... — Зинаида Захаровна обернулась на зал игрушек.

Я совершенно не доверял Пере.

— Вы, разумеется, знаете, что за РИКовским мостом стартовало строительство? — спросил я.

— Да, там вроде завод бумажный ставить собираются...

— Так вот, в руководстве проекта... — я сделал многозначительную паузу, — считают, что Чагинску нужно новое лицо. И это лицо...

Я покосился на кряжистого Перу.

— Это лицо не должно ассоциироваться с... явно языческими, дремучими образцами.

Зинаида Захаровна хотела возразить, но я быстро продолжил:

— Антиох же Чичагин напротив — символ духовности и просвещения. Именно его руководство компании НЭКСТРАН хотело бы видеть в качестве...

Я несколько сбился, Хазин пришел на выручку.

— Истока, — сказал он. — Именно истока.

— Понимаю...

— Судьба города неотделима от судьбы адмирала, — сказал я. — Об этом и будет наша книга. И с вашей стороны...

— Нам потребуется сотрудничество, — закончил Хазин. — Вы же должны знать, что адмирал — покровитель наук и искусств.

— Да, мы, конечно, про это знаем... — растерялась Зинаида Захаровна. — Мы все сделаем. Я давно собиралась объявить конкурс...

Теперь с мысли сбилась Зинаида Захаровна.

— «Рисуем адмирала Чичагина», — подсказал я.

— Да, отличное название! Знаете, у нас здесь работает летний лагерь...

Зинаида Захаровна улыбнулась.

— У нас лагерь до трех дня, — повторила она. — С десяти до двенадцати мы рисуем, потом обед, потом приставки. Кто не хочет рисовать, не получает приставку.

— А давайте поступим по-другому, — сказал я. — Администрация уделяет пристальное внимание этому празднику, поэтому наша задача привлечь к конкурсу максимальное количество участников. Пусть приставка будет призом победителю!

— Но...

Зинаида Захаровна оглянулась на Перу, как мне показалось, в поисках поддержки.

— Александр Федорович, думаю, одобрит, — заверил я. — Вчера на совещании он сказал, что праздник — это приоритетная задача мэрии. Именно с этого дня начнется...

Хлопнула дверь.

— Зинаида Захаровна! Вы моего не видели?

Я узнал голос и обернулся.

Кристина. Она заглянула в зал, увидела Хазина и хихикнула. Помахала рукой. Слишком часто встречаемся. И я ей помахал.

— Так он пообедал — и сдул сразу, — ответила Зинаида Захаровна. — Кристиночка, я же тебе говорила, он после обеда всегда убегает, я же не могу ему ошейник прицепить...

— Да, до свиданья!

Кристина исчезла.

— Хороший мальчишка... — Зинаида Захаровна покачала головой. — Идеи у него всякие... Кристина тоже интересная девочка была, творческая, стихи писала, мастерила...

Я нащупал в кармане вязаную пчелу.

— А вы не знаете, когда завод пускать собираются? — спросила заведующая. — А то у нас позакрывалось все, работы никакой...

Хазин чихнул: сложно стоять в чужих носках, не чихая.

— Да-да, сейчас! Сейчас мы вам поможем! — Зинаида Захаровна схватила Хазина и вытащила его из зала.

Я остался один. Кукол мало, подумал я. Обычно среди игрушек кукол больше половины, а тут нет, немного. Зато моделей много. И сценок из жизни — то мельник жучит налима, то грузовик ремонтируют, то макет мэрии. Модель водокачки, взрыв подводной лодки «U-721» после попадания торпеды.

Игрушки напоминали рисунки про Перу, руководитель художественной студии был явно склонен к творческому осмыслению действительности. Простые игрушки тоже имелись: детские инструменты, головоломки из гвоздей и гаек, многозначительные коряги; я увлекся рассматриванием, бродил по залу, обнаруживая все новые и новые вещи. Я впервые встречал в клубе такую насыщенную комнату, обычно в Домах культуры ограничивались унылой выставкой достижений, а здесь настоящий игрушечный мир, через который проходила игрушечная железная дорога, на шестисотом километре к рельсам был привязан пластиковый бедолага в широкополой синей шляпе. Я достал из кармана вязаную пчелу и посадил ее рядом. Чтобы не скучно было.

Пробыл в игрушечном зале минут двадцать, Зинаида Захаровна так и не появилась, и я вернулся в вестибюль.

Хазин сидел на железном стуле, рядом с ним стояли две смешливые работницы культуры и методично выбирали из Хазина

носкового удава. Это продолжалось долго, Хазин терпел, думаю, он хотел завязать знакомство с той, что с прической. Я сидел на подоконнике, в спину поддувало.

В прошлом году Хазин заболел. Вернее, сломал ногу и не мог работать в поле, а заказ подкинули жирный. Я отправился на северо-запад и через два месяца закончил «Холмы. Город-труженик, город-воин». Но администрация неожиданно ударилась в отказ и платить за работу не собиралась. Заменить в тексте «Холмы» на «Чагинск» несложно, поменять имена, названия предприятий и даты тоже. Локфикшн — самый благодарный вид литературы, ее никто в здравом уме не читает, я мастер локфика, мастер для никого.

Сотрудницы КСЦ закончили высвобождать Хазина из удава и, хихикая, убежали, печальный Хазин приблизился к окну. Ему шло быть в удаве.

— Я буду называть ее Зизи, — сказал Хазин. — О, я буду называть ее Зизи...

Мне не хотелось называть ее Зизи. Хазин продолжал отряхиваться и никак не мог остановиться, точно удав оставил на нем невидимую и жгучую чешую.

— Признаться, это моя мечта, — Хазин мечтательно улыбнулся. — Стать заслуженным работником культуры в провинции, посещать клуб «Оптималь», печь картофельные очистки на противне, достойно встретить старость с удочкой на берегу, какая гнида этот Крыков...

Хазин вздохнул.

— Мне кажется, Крыков саботирует, — негромко сказал он.

— А смысл?

— Не знаю... Мне кажется, мы зря подписались...

— Не пыли, Хазин. Ничего необычного, работа как работа, сделали и уехали.

— Не знаю, не знаю... Я не особо люблю Крыкова... При чем здесь Пера?

— Пера — это да...

— Кто такой этот Пера?!

Я потрогал голову.

— Вероятно, он как-то связан с этой местностью. Как Чичагин.

— Это, наверное, хорошо, — сказал Хазин. — Это значит, что здесь богатейство в почете. Чичагин, кстати, был крепок на руку.

Верно. Когда однажды его корабль потерял якорь, адмирал прыгнул в море и на плечах вынес якорь на берег.

— Однажды Чичагин голыми руками задавил бешеного вербля, — сказал Хазин. — Спас от него крестьянских девушек. Думаю, это надо отразить в тексте.

— Непременно. И перед телевышкой надо пожать.

Возможно, дело в раздражителе, думал я, пока мы ехали в сторону столовой доручастка. Слишком мощный вирус. Геодезисты, строители, археологи — за последний месяц население Чагинска увеличилось на триста с лишним человек. Город замер, притих, втянул голову в плечи и начал отвечать.

Носочным удавом.

Глава 3

Новая праведность

Хазин с утра не завелся и ругался под окнами на дерьмовый ржавый здешний поганый паленый бензин, умудрившийся забить «шестерочный» карбюратор, и чем его теперь промывать, а затем продувать, а он люто ненавидит машинную возню, надо пожаловаться Механошину, работать невозможно...

На телевышку вчера нас не пустили. Хазин звонил с проходной Крыкову, пытался дозвониться и Механошину, ругался, что пропадает погода: если забраться сейчас на телевышку, то можно сделать отличные панорамы города для книги. Но ни Крыкова, ни Механошина найти не удалось. Хазин расстроился и предложил съездить в Заингирь, родовую вотчину Чичагиных, — по слухам, там сохранились фотогеничные руины. Я согласился, и мы с Хазиним выдвинулись в сторону Козьей Речки.

Мы с бабушкой часто ездили туда за грибами. За речкой росли боровые грузди — бахромистые, наглые, не жалкие тощие лопухи, что водятся в березняках, а настоящие боярские грузди,

какие встречаются лишь в сумрачных старых ельниках. В шестидесятые в Заингирь вела узкоколейка, там варили стекло для противогазных линз и военных оптических систем, потом завод перенесли, рельсы сняли, и осталась насыпь со вросшими шпалами, двенадцать километров. Бабушка знала грибные места, мы угадали пласт и набрали два пестера, и тащить назад двенадцать километров сил не осталось, на полпути мы остановились и высыпали грибы на насыпи. Мы уходили, а я все оглядывался на грузди, это снится мне до сих пор. Насыпь и грузди на ней.

За прошедшее время насыпь рассосалась и превратилась в разъезженный проселок. «Шестерка» юлила, буксовала и шла с пробоями, Хазин матерился, что непременно застрянем, так что повернули обратно. Искали объезд, потом еще объезд, так и не нашли, вернулись к гостинице к вечеру. Хазин предлагал отдохнуть в «Чаге», но настроения не осталось, я лег спать в номере, а Хазин все-таки отправился, вернулся в полночь, стучал в дверь, утверждал, что археологи, работающие на карьере, обнаружили в раскопе череп коня. И уверял, что это, скорее всего, череп Чичагина, в том смысле, что его коня, а это говорит о многом. Я пообещал завтра непременно заглянуть к археологам, Хазин отстал. Я к археологам, кстати, давно собирался, археологическая глава в локфике весьма желательна.

С утра Хазин возился с карбюратором, продувал жиклеры и материл прокладку: автосервисов в Чагинске не было, и Хазину приходилось справляться самому. Я подумал, что пора, пожалуй, обзавестись независимым средством передвижения, спустился в «Мотоблок и дрель» с намерением купить велосипед. Я долго выбирал, но в результате так ничего и не купил; раньше у меня был «Салют», а велосипеды из ассортимента Мотоблокова не могли с ним конкурировать. Это меня расстроило, и я, прихватив камеру Хазина, отправился прогуляться к РИКовскому мосту.

За мостом город постепенно заканчивался, слева от дороги на Вожерово догнival и зарастал подлеском льнозавод, дальше из зелени торчали крыши Пригородного, справа между проселком на Нельшу и вдоль берега Ингиря тянулись намытые земснарядом песчаные барханы.

Ингирь выворачивал из-за холма и тек к востоку, сужаясь под РИКовским мостом, разливаясь дальше плоским широким плесом. За плесом поперек русла старалась черпалка, гудела, выбирая со дна Ингиря песок и нагребая на берегу очередную дюну. Перед дюной берег раскапывали несколько экскаваторов, готовя котлован под фундамент будущего бумажного завода. Земснаряд напоминал каракатицу, экскаваторы — однолапых крабов-калек, работа, производимая всей техникой, выглядела нелепо: со стороны реки они насыпали гору, с другой рыли яму. На дальней опушке леса синела палатка археологов.

Земснаряд работал, похоже, с весны — вдоль берега через каждые двести метров белели песчаные холмы, я выбрал ближайший. Песок мелкий, белый и чистый, взбираться по нему оказалось тяжело, я то и дело съезжал, месил хрустящую зыбь, стараясь воткнуть ноги поглубже и понадежнее.

Я забрался на вершину, изрядно набрав в кеды песка и едва не подорвав ахилл на левой, сел на нагретый песок, огляделся. Достал из кофра камеру.

Тогда тут не было ни ямы, ни песчаной горы, луг от реки до леса, покос и стога, пыльная дорога. Я, Кристина и Федька оставили велосипеды и забрались на самый высокий стог. Кристина привязала к березовому хлысту мою старую футболку, и мы подняли над лугом «Веселый Роджер», хотя Федька предлагал обычный «Спартак».

Федька дразнился, говорил, что пираты — это детский сад, в пиратов одни придурки из батора играют, а баб пираты безжалостно топили в ближайшей проруби, потому что бабы зло и всегда мешают рыбалке. Вот мы Кристину взяли с собой, а зря, никакой рыбы не видать, рыба от баб как от электроудочки шарахается. Кристина ему посоветовала пасть засыпать насчет баб и электроудочек: было у отца три сына, двое нормальных, а третий футболист, да таких кривоногих и тупых и в футболисты-то не возьмут, в шпальщики-подпальщики разве. Федька на подпальщиках криво ухмыльнулся, достал зажигалку, отщелкнул крышку и чиркнул колесиком. Над латунным орлом возник огонек. Кристина принялась ругаться на Федьку громче, а я молчал. Я испугался. Мы сидели на тонне сена, дождей не было три

недели, Кристина сказала, что Федька псих. Псих и настоящая сволочь.

Тогда Федька разжал пальцы. Тяжелая зажигалка скользнула в сено. Я замер. Хотелось немедленно прыгнуть со стога и отбежать, но я не мог — Кристина осталась. Она ухватила за хлыст с флагом и смотрела на Федьку, а он смотрел на нее.

Оба психи.

Я ждал огня. Пламени из-под ног, дыма — едва запахнет дымом, надо толкать Кристину и прыгать самому, а этот придурок пусть горит...

Но не было огня.

Федька захохотал. И продолжил обзывать, он всегда хорошо обзывался. Что-то про ссыкуна и дристуху, жених и невеста из сортирного теста, тогда я ударил Федьку.

В глаз.

А попал в лоб, кулак подвернулся, я зашипел от боли, Федька размахнулся для сдачи, потерял равновесие и съехал по стогу на землю.

Огня не было.

Федька ругался снизу, пытался до меня доплюнуть, но Кристина и я сами стали в него плевать, тогда Федька скрутил с наших велосипедов ниппеля и выкинул в стерню.

Мы остались на стогу, а Федька на велике покатыл к реке. Кристина сказала, что у Федьки в семье все такие — психозоиды, его дядя в прошлом году со старой водокачки кинулся, а тетя в магазине кассиршу избила. Да мне и бабушка рассказывала, психи.

Федька доехал до реки, отвязал от рамы велосипеда спиннинг и спустился к воде. Я предложил Кристине слезать со стога и ехать дальше на омуты без Федьки, а флаг с собой взять и там повесить. Но Кристина объявила, что флаг спускать нельзя — теперь этот берег наш, и мы будем грабить всех, кто проплывет мимо. Я подумал, что она переигрывает — какой берег и кого грабить, но спорить не стал, подумаешь, старая футболка.

Мы все же съехали по сему на землю. Я достал из рюкзака запасные золотники, вкрутил в камеры и поработал насосом.

Кристина искала в стогу зажигалку, приговаривая, что меньше чем за сотню она ее Федьке теперь не отдаст. Зажигалка не находилась, а Федька показался. Он тащил за собой по земле здоровенную толстую щуку и счастливо смеялся.

Я сфотографировал котлован и достал из кармана зажигалку. Ту самую, с хохлатым американским орлом.

В конце августа, в день отъезда из Чагинска, я приехал на берег. Часть стогов успели убрать, но наш стог еще стоял, с выгоревшим и изорванным черным знаменем над, самый высокий. Пиратский берег. Я забрался в сено и два часа ковырялся в сухой траве. Мне понравилась эта дурацкая зажигалка, но найти ее не получилось.

Зажигалка действовала до сих пор, я чиркнул колесиком, добыл огонь, задул — курить бросил.

Река обмелела. Посредине плеса стоял мужик с удочкой, таскал ельцов, согнанных работой драги на отмель. Я дотянулся до сухой коряжинки, поджег. У сухих коряг всегда вкусный уютный дым, можно собирать коряги вдоль берега, упаковывать в джутовые мешки и продавать японцам. Чтобы в очагах их домов горели ароматные и экологически натуральные речные дрова. Как-то раз Федька украл из дома сосиски, и мы жарили их на таках, на редкость вкусно.

Не ожидал, что это будет Чагинск. Мне все равно, о каких местах писать, что Чагинск, что Пироговск, что Пучеж, пусть хоть Нерехта. Археологическая глава, глава об основателе, в годы опричнины, в годы Смуты, от развала и пепелищ к ликвидации неграмотности населения, от времени великого перелома к «кадры решают все», от...

Со стороны Нельши показался синий пикап, я навел на него камеру. Внедорожник катил широко, то и дело срываясь в юз, поднимая пыль; притормозил напротив котлована, затем съехал с дороги и направился в мою сторону.

Высокая проходимость. Пикап раскачивался и легко перепрыгивал ямы, так что я подумал, что машина явно тюнингованная, причем весьма и весьма серьезно, и по двигателю, и по ходовой, слегка позавидовал. Я не люблю машины и не люблю водить, но техническое совершенство восхищает всегда. Пикап

был безусловно хорош, через минуту он остановился напротив моего холма.

Из машины вышел Алексей Степанович, бодрый, причесанный, в сером костюме, с галстуком, словно только что сбежавший с совещания в мэрии. И приветливо помахал рукой:

— Добрый день!

— Добрый.

Алексей Степанович попытался влезть на холм, но увяз в песке по колено, застрял и рассмеялся.

— Виктор, не пригласите? — попросил он.

— Да, конечно.

Я подал руку, Алексей Степанович ухватился и одним движением втянулся на вершину.

— Спасибо!

Он отряхнул колени от песка и протянул руку еще раз:

— Мы тогда толком не познакомились. Алексей Светлов.

— Виктор...

Ладонь у Светлова была большая, и пальцы длинные, пожатие умеренное. Я подумал, что такими руками здорово играть в баскетбол, берешь мяч в горсть, кладешь в корзину. Демократические руки, отметил я, в них хорошо бы смотрелась кувалда или лом; вероятно, Светлов имел простонародное происхождение. Но сам непрост.

— Виктор, а фирма «СКС» ваша? — уточнил Светлов. — Помню тот проект в Ярославле, неплохо, кстати.

— Это в прошлом, — ответил я. — Теперь мы на вольных овсах...

— Что правильно, — заметил Светлов.

Он снял туфли и неожиданно зачерпнул ими песок. Стряхнул лишнее и несколько раз энергично согнул каждую, туфли издавали протестующий хруст.

— Недавно купил, — пояснил Светлов. — Не успел разносить.

— Разносить? — удивился я.

— Ну да. Не люблю разношенные покупать. После этих итальяшек, знаете ли, всегда душок остается, как ни проветривай...

Светлов еще несколько раз стиснул туфли и вовсе закопал их в песке.

— Старые методы — самые надежные, — сказал Светлов. — Вы знаете, что раньше туфли разношивали семинаристы из бедных? Хорошие туфли требовалось носить неделю. Или их отдавали кузнецам. Подмастерья заполняли туфли прокаленным песком и тискали их руками...

Светлов снял и носки, зарыл пальцы ног в песок, с удовольствием зажмурился.

— На вершине холмов тишина и покой, и горят, и вертятся... — Светлов почесал лоб. — И горят, и вертятся... вроде как созвездия. А вы здесь что делаете, Виктор?

— Я к археологам хотел... и решил посмотреть, как тут все... сверху.

Алексей Степанович посмотрел из-под ладони в сторону археологической палатки.

— Я, кстати, тоже, — сказал он, пошевелив в песке пальцами. — За археологом нужен глаз, пасти их не перепастить... Песок отличный, мелкий, из такого пляжи отсыпать.

— Здесь раньше санаторий, кажется, был, — напомнил я.

— Да, знаю, то ли после войны, то ли до. Где-то там, — Светлов указал вверх по течению. — Кедровая роща, горячие источники... Да, все давно уже заглохло, но мы постепенно восстановим, нам понадобится санаторий... Вы, кажется, по санаториям специалист?

Я смутился.

— А мне понравилось, — успокоил Алексей Степанович. — Иногда парадоксальные решения срабатывают. Мне понравилось, как вы работаете. Хороший пиарщик отталкивается от архетипа, гениальный этот архетип подменяет. А иногда и создает, задним числом фактически. Поэтому у меня, кстати, к вам предложение...

— Какое? — насторожился я.

— Думаю, выгодное.

Светлов нагреб над ступнями пирамиды песка.

— Понимаете, Виктор, насколько я понял, на сегодняшний день здесь существует некоторое... общее недопонимание...

Светлов оглянулся на город. Со стороны молочного завода к мосту спускался велосипед с моторчиком, за ним на веревке

тащилась старенькая «Кама». Великом с моторчиком управлял мальчишка, «Камой» рулила девчонка.

— Кстати, как у вас дела с адмиралом?

Земснаряд на реке загудел громче, рывкнула сирена, платформа развернулась и воткнулась в берег. Земснаряд принялся с азартом загребать в реку то, что добыл с утра.

— Не, какие натуральные идиоты! — рассмеялся Светлов.

Драга заглохла, завязнув в пласте прибрежной глины, теперь она напоминала не каракатицу, а скорее дохлого рака. Хазину бы понравилось. Я сфотографировал.

— Гремучая с Чичагиным идея. — Светлов выкопал туфли. — Я как услышал...

Светлов высыпал из туфель песок.

— Долго смеялся, — продолжил он. — Ну и плакал, разумеется... С другой стороны, как раз для вас работа. Провинция... Провинция абсурдна и дика везде, Виктор, вам ли этого не знать? Это не только у нас, это везде. Вспомните фильмы — Гигантский Пончик в Калифорнии, Самый Большой Бургер... не помню где, труселя Микки-Мауса... они опять в Калифорнии. А на Северо-Западе статуя Пола Баньяна, Годзилла... они почему-то любят Годзиллу... Зона Пятьдесят Один, там одной сувенирки на полтора миллиарда каждый год продают! «Ай эм вонт белив!» — капитализация этой фразы больше, чем всего Чагинска вместе с районом!

Застрявшая драга ожила, рыкала дизелем и гудела сиреной, пытаясь высвободиться из берега, получалось не очень.

— Думаю, с Годзиллой было бы легче, — заметил я. — Чичагин... Мало места для маневра.

Велосипедисты прокатили мимо, и я узнал Аглаю, библиотечную дочь и вредину. Дырчиком управлял незнакомый мальчишка с серьезным лицом.

— Я понимаю ваши сомнения, — сказал Светлов. — Чичагин, безусловно, герой, к тому же... достойный муж... Больше скажу, Чичагин для нас гораздо лучше Годзиллы. Годзилла, он же в сущности японский кадавр, смесь бульдога с Белоснежкой...

— Она, — поправил я.

— Что она?

— Годзилла — она. То есть самка фактически. Женская особь.
— Тем более! — хмыкнул Светлов. — Куда их Годзилле против нашего адмирала? К тому же...

Аглая и мопедист всюду карабкались по песку на соседний песчаный холм, хотя он был и круче и выше. Светлов оглянулся.

— А их песок еще держит, — сказал он. — Недолгая привилегия детства. Впрочем, вернемся к нашим. Вы бывали... Ну... хотя бы в Дивеево?

— Нет...

— Съездите, это поучительно. Там вполне успешно этим промышляют — ковчегцы, медок, маслице, медь златогласная. Собственно, это в устойчивой традиции... Так что ваши, Виктор, рефлексии... я бы сказал, безадресны.

Алексей Степанович улыбнулся.

— Но... — я пожал плечами. — Собственно, это не моя...

Я хотел сказать, что это не я. Не я придумал Чичагина, Крыков. Мне бы лучше Гигантский Пончик, и вообще, при чем здесь рефлексии, я книгу пишу. Почему он это со мной обсуждает?

— Рассматривайте Чичагина сквозь широкоугольную оптику, — Светлов кивнул на камеру. — В сущности, он государственный, строитель империи. А империя — это перспективно всегда. Думаю, вскоре Чичагин и подобные ему займут свое место в парадигме новой праведности...

— Как вы сказали? — не расслышал я. — Новая праведность?

— А вы не читали?

Я отрицательно помотал головой.

— Ах да, интернета нет... Забавная статья была, автора я, кстати, так и не выяснил... Впрочем, можно не усложнять...

Светлов замолчал.

Аглая и мальчишка забрались на верхушку соседнего холма и принялись разводить костер из сушняка. Если подбросить в огонь ивняка, то получится отличный дымовой сигнал, вспомнил я. А еще из лопухов. Лучше всего покрышку. Как-то Федька спер у отца две лысые покрышки, мы откатали их на реку и сожгли на пляже.

Или кусок смолы в костер кинуть.

Или рубероид.

— Поверьте, Чичагин — вполне перспективный вариант, — сказал Алексей Степанович. — Вопрос усердия. В Астраханской области есть небольшой городок, почти поселок. Так вот, как-то раз в нем останавливался Чехов по пути в Таганрог. Одну ночь всего, комната в трактире на втором этаже. А потом, кажется, в письме к Григоровичу...

Я взглянул на Алексея Степановича с интересом.

— Так вот, Чехов написал, что в «этой грязной дыре» меня до неприличия укусили клопы, клопы необычайной крупности, лютой и дерзкой, решительно как те собаки на Пречистенке». Впрочем, не исключено, что он ехал из Таганрога... Так вот, сейчас в этой гостинице постояльцам в постель подкладывают клопов. Разумеется, не живых, металлических.

Оригинально. Клопы, похоже, кусали всех великих русских писателей. Равно как и все великие русские писали про клопов. По мере того как со страниц романов исчезали клопы, исчезала и литература.

— Считается, они приносят удачу, — сказал Светлов. — Жители того городка утверждают именно так...

Можно подумать. Клопы живут в среднем двенадцать месяцев, за годы, прошедшие с остановки Чехова, сменилось сто двадцать поколений кровососов. С квантовой точки зрения клопы, кусающие постояльцев гостиницы «Центральная», — это те же самые клопы, которые кусали Чехова сто с лишним лет назад. И с точки зрения биологии... Быть покусанными клопами, терзавшими Чехова, в гостинице, где они его нещадно грызли. К удаче.

— Они продают металлических клопов? — уточнил я.

— Железный клоп простолюдину, для гимназистки серебро, но благороднейшему сыну вонзает золото в ребро, — продекламировал Алексей Степанович.

И вручил мне серебряного, размером с горошину клопа искусной работы.

— Подарок вам как писателю.

— И что с ним делать? — Я подкинул клопа на ладони. — Я не вполне гимназистка.

Тяжелый, как шарик подшипника.

— Разумеется, подкладывать в кровать, — посоветовал Светлов. — Попробуйте, это познавательно, своеобразный сенсорный триггер. Любопытные сны.

Я убрал клопа в карман.

— Спасибо.

— Да... Я уверен, что у Чичагина есть перспективы. Главное, работать. Вы, Виктор, умеете работать.

— А вы умеете вдохновить людей, — сказал я.

— «Наша работа — делать людей счастливыми. НЭКСТРАН».

Алексей Степанович с удовольствием поднялся на ноги.

— Здесь приятная местность! — сказал он. — Чудесная... Похоже на Прибалтику.

— Да, нормально...

— Мне здесь очень нравится. — Алексей Степанович вытянул из-под песка ступни. — Знаете, Виктор, я, когда выбирал площадку, много посмотрел, по всему северо-востоку искали. А Чагинск сразу приглянулся. Мы летели с севера, двести километров — лес, тайга, глушь, а потом вдруг три реки звездой сходятся — и холм! Смотрите, еще одного подсек! Как славно! Это хариус?

Алексей Степанович указал на рыбака.

— Хариусов здесь нет давно. Ельцы. Плотва иногда, сорога по-местному.

— Ельцы и сорога... Я бывал в Ельце. Впрочем, хариусов мы вернем, как и другую рыбу.

Я не понял.

— Нам понадобится вода, — пояснил Светлов. — Вода и электричество. Я сейчас как раз осматривал старую ГЭС ниже по течению. Плотина неплохо сохранилась, так что ее несложно будет восстановить. Уровень воды поднимется, почистим русло, рыба снова заведется. Ельцы, хариус, стерлядь. Мне в музее сказали, что здесь раньше стерлядь водилась.

— Возле целлюлозного комбината стерлядь? — усмехнулся я.

— А вы знаете, где самая чистая вода в Рейне? — спросил Светлов. — Напротив концерна БАСФ. Современные технологии очищают как воду, используемую в производственных процессах, так и воду в окружающих водоемах. Это не так уж сложно, методы давно отработаны. Наши предприятия производят чи-

стый воздух, чистую воду и лучшую в мире бумагу. Скоро здесь будут водиться хариусы.

— Вы, я вижу, любите рыбалку?

— Я? — словно заинтересовался Светлов. — Да, пожалуй. Мне нравится сама суть процесса. Есть суша, есть вода, но существа суши научились добывать существ воды. И редко когда наоборот. Ельцы вкусная рыба?

— Да, нормальная, — сказал я. — Лучше жарить в сметане, они суховаты. Или на гриле с маслом. Но лучше крупных брать.

— Обязательно попробую...

Алексей Степанович посмотрел из-под ладони в сторону реки.

— Как ваша книга? — спросил Светлов.

— Продвигается. Собственно, в таких книгах главное сбор материала. А материал хороший, все-таки Чичагин крупная фигура...

— Нет, я о настоящей, — перебил меня Светлов. — Вы пишете книгу?

Еще два раза. После провала романа про зомби я пробовал еще два раза, в первый заглох на шестидесятой, во второй на семнадцатой странице. Настроение было, и книгу брали... не сочинялась.

— Я работаю над этим, — ответил я. — Есть несколько идей...

— Не расскажете? — неожиданно попросил Светлов. — Нет, мне просто интересно. Я сам хотел когда-то стать писателем, но, к счастью, не получилось. С тех пор некоторым образом интересуюсь... люблю хорошие книги. И необычайно приятно бывает стоять у истоков...

Я несколько растерялся. Я, разумеется, не особо опасался, что Алексей Степанович Светлов украдет у меня идею, но все равно, книги не любят посторонних глаз...

— Смотрите!

Алексей Степанович хлопнул в ладоши и указал пальцем.

— Смотрите, что они там делают! Это у них парашют?!

Я обернулся. На соседнем бархане запускали монгольфьер. Во всяком случае, это весьма напоминало воздушный шар, склеенный из бумаги.

— Это скорее китайский фонарь, — сказал я. — Но обычно их запускают вечером, так эффектнее.

— Похоже, у них не очень клеится с аэронавтикой...

Послышался неприятный пиликающий звук. Я машинально пощупал карман, потом вспомнил, что тут не должно быть связи.

— Это «Алтай», — пояснил Светлов. — Покоя нет нигде... Впрочем, скоро сюда проведут нормальную связь, мир сжимается. Мне пора, Виктор. Вы будете завтра на репетиции?

— Непременно, — пообещал я.

— Увидимся!

Светлов снова пожал мне руку, выбил из туфель песок, сбегал с холма и забрался в пикап. Завел двигатель, слишком резко бросил сцепление, машина укопалась, выбросив в воздух из-под задних колес песчаные гейзеры. Корма внедорожника осела, Светлов высунулся в окно, оглянулся.

— Враскачку надо, — посоветовал я.

Но Светлов прибавил газу. Двигатель заревел, грунтозацепы пикапа легко прорыли песок, добрались до земли, внедорожник подпрыгнул, из кузова вылетел огнетушитель, но Светлов этого не заметил — машина уже неслась в сторону дороги.

Земснаряд загудел громче, вода под ним вскипела, и по течению потек мутный след. У рыбака резко обострился клев, он вытаскивал рыбку за рыбой и складывал в сетку — издали казалось, что в ней блестят новенькие гривны.

На соседнем холме Аглая ругалась с приятелем — разжечь костер, похоже, у них не получалось. Аглая размахивала сухой палкой, приятель чесал голову.

Драга замерла, дрожа бортами, я отметил, что она похожа на шуку, отупевшую и оголодавшую зимой, оттаявшую по весне и вцепившуюся сослепу в прибрежную кочку. Застряла зубами, вертелась, булькала, да так и сдулась до вечера. Оператор вылез на крышу кабины и теперь загорал.

И мне захотелось. Нормального. Наловить ельцов, развести костер, посадить ельцов на прутья и пожарить над углями. Накупаться до белых рук. Охотиться с воплями за выползшим на отмель синим раком. Жевать сладкие смородиновые прутья. На спор висеть над рекой на ветке — дольше провисела Кристина,

а Федька оборвался первым. Воровать горох с совхозного поля, лучше с того края, где еще и клевер, там мягче. Загорать...

— Э-э-й!

Я открыл глаза. Передо мной стоял приятель библиотечной Аглаи, тот, что с серьезным лицом. И оттопыренными ушами — издали незаметно, а вблизи кажется, что по слуховому аппарату за каждым. Ушастый, на ремне внушительный охотничий нож с роговой рукояткой и латунной бляшкой на тыльнике. Ножны из оленьей кожи.

— Привет, — зевнул я. — Ты чего?

Аглая помахала мне рукой.

— Мы костер не можем развести, — пожаловался парень. — Я спички взял, но они почему-то отсырели.

— А что вы там запускаете?

— Воздушный шар.

— Зачем?

— Ну...

Мальчишка пожал плечами, оглянулся на Аглаю. Аглая показала язык, подергала себя за уши.

— Мы поспорили... — мальчишка поморщился. — Поспорили. Хотели проверить, на сколько улетит... а спички отсырели, кажется. Они к набору прилагались, китайские, из бумаги сделаны. Головки зеленые, а ни фи́га не горят...

— Спичек у меня нет, — сказал я.

— А Аглая сказала, что вы курите... — с разочарованием вздохнул мальчишка.

— Почему это я курю?

— Да так... вы же атомную электростанцию будете строить. Котлован копаете...

Мальчишка указал на экскаваторы.

— Не, — я пнул песок. — У нас и так энергии перепроизводство, зачем еще одна станция?

— А что тогда?

Экскаваторы грызли землю, песок в основном, котлован подходил на ванночку с крем-брюле, над которой изрядно поработал первоклассник-обжора.

— Космодром, — ответил я. — Строим космодром.

— Ну да, — не поверил пацан. — Как же!

— А что такого? «Байконур» у нас отбирают, а стране нужен космодром. Их шесть штук строят, здесь, в Чагинске, первый, остальные пять в других местах.

Пацан скептически плюнул.

— Кто ж космодром рядом с городом строит? Его подальше обычно...

— Нет, здесь... — я указал на экскаваторы. — Здесь, само собой, никакой стартовой площадки не будет, она дальше... Там...

Я махнул в сторону площадки археологов.

— Здесь планируется вторая подстанция. Сам понимаешь, энергии много понадобится, будем запитываться от кировской ЛЭП.

— Точно, что ли?

— Точнее не бывает.

— А куда летать будут? — поинтересовался пацан.

Я растерялся, вспоминая, куда вообще можно летать. На Марс. Что делать на Марсе...

— В основном ближний космос, — ответил я. — И иногда дальний.

— Мне кажется, самое перспективное направление — Энцелад, — сказал пацан. — Там есть океан. Или Европа. Но я думаю, что сначала полетят все-таки на Энцелад. На Энцеладе самый чистый снег во всей Солнечной системе...

Типичная жертва фантастики, собирается лететь на Энцелад, но спички отсырели.

— А я думаю, на Луну, — сказал я.

— На Луну бесперспективно, — возразил мальчишка. — Там есть гелий, но с водой вопросы. А вода — самое главное, если есть вода, все можно сделать...

Аглая швырнула с соседнего холма корягу и раздраженно свистнула.

— Ну ладно, пойду тогда...

Пацан вздохнул.

— Ставлю на Луну, — сказал я.

Мальчишка съехал по песку. Я вспомнил:

— Эй, погоди!

Мальчишка остановился. Я нащупал в кармане зажигалку с орлом.

— Лови!

Я кинул зажигалку, мальчишка поймал, проверил, выщелкнул пламя.

— Работает. Спасибо! Я отдам.

— Не надо, — махнул рукой я. — Оставь себе.

Мальчишка поспешил к Аглае, так же легко взбежал на песок, и они опять стали складывать костер.

Я тоже спустился с холма и направился к дороге. Надо заглянуть к археологам, посмотреть, как там и что. На обратном пути пройду мимо котлована, пофотографирую, посмотрю, как там что.

Жаль, что раньше этих барханов не было, отличный пляж бы получился, раньше гораздо больше думали про стога, а не про пляжи.

Проселок был укреплен крупным щебнем, идти было неудобно. Поравнявшись с котлованом, я не удержался и сделал несколько снимков.

Экскаваторы и бульдозеры работали бойко, Аглая и ее космонавт все же разожгли костер и вовсю наполняли дымом китайский монгольфьер, рыбака не было видно, со стороны Нельши приближался пустой грузовик, а со стороны города не жалея подвески спешил черный джип.

Я убрался вправо, поближе к обочине. Грузовик свернул к карьеру, джип пронесся мимо, и я понадеялся, что не ко мне, но внедорожник, увы, затормозил, ткнувшись в обочину. Показываться никто не торопился, и тогда я направился к машине сам.

Я подошел, пассажирская дверца открылась: окатило холодом, запахом одеколona и табака, из джипа вывалился мэр. Он согнулся, упершись руками в колени, и тяжело задышал, словно джип у него был с велоприводом и Механошин перенапрягся, догоняя меня.

— Приветствую, Виктор! — мэр помахал рукой. — Я сейчас... извините...

Мэр достал ингалятор, несколько раз пшикнул, постучал кулаком в грудь.

— Да пожалуйста...

Мэр с сипением вздохнул, захлопнул дверцу и скомандовал:

— Езжай пока, я прогуляюсь.

Джип сдал назад, освобождая проезд. Я пошагал дальше. Мэр похрипывал рядом.

— Я сам все собираюсь... заняться ходьбой... или на велосипеде... это полезно для коленей. Жаль, асфальта у нас мало. Зато экология, реликтовые рощи... А вы так гуляете, для здоровья или куда?

— К археологам, — ответил я. — Они на краю поля, у леса... — Я махнул рукой.

— Отлично! — обрадовался мэр. — Я сам к ним давно собирался... Если вы не против?

Я был не против. Мы шагали по дороге, джип катился метрах в ста, держа расстояние. Мэр ослабил галстук и расстегнул ворот рубашки.

— Жара в этом году небывалая, все подстанции трещат, каждый день по два срабатывания... А у вас в гостинице как?

— Да ничего, нормально.

— Ага. Я раньше в электросетях работал, инженером, — рассказывал Механошин. — Сейчас все наладилось, а десять лет назад зашивались, трансформаторы старые, кипят, обрывы постоянно. Сейчас все гораздо лучше.

Я не спорил.

— У нас отток населения, — жаловался мэр. — В начале девяностых до пятнадцати тысяч жило, а сейчас едва двенадцать. Многие уехали насовсем, многие, сами понимаете, того... пенсионеров много... Безработица, куда без нее, на бирже почти две тысячи состоит — и это хорошо!

Механошин с энтузиазмом подержался за мой локоть.

— Я думаю, люди с удовольствием будут работать на бумажном комбинате. Знаете, у нас в городе много молодежи, есть колледж, в нем можно открыть бумажное отделение. Мы думаем создать комитет по благоустройству...

— Мы с ним говорили о рыбалке, — перебил я.

— О рыбалке? — Механошин остановился и почему-то покраснел.

Я доверительным тоном сообщил:

— Понимаете, адмирал Чичагин был... так сказать... большой аматер...

— Да?

Мэр растерянно улыбнулся, оглянулся на свой джип.

— Да, — сказал я. — Все так и обстоит. Именно поэтому Алексей Степанович высказал несколько простых пожеланий...

Механошин достал блокнот.

— Видите ли, — я остановился. — Видите ли, Алексей Степанович рассчитывает на взаимовыгодное сотрудничество.

— Да, мы все понимаем...

Мэр нарисовал в блокноте пятиконечную звезду и восклицательный знак.

— Вы должны сознавать, что кадры в наши дни решают все, — продолжал я. — Алексей Степанович как никогда нуждается в своих людях на местах, в сильной команде. Всего несколько человек, но надежных, на которых можно положиться. Нас не интересует количество материала, нас интересует качество материала.

— Мы готовы, — заверил Механошин. — Мы готовы работать с качеством!

И нарисовал в блокноте несколько скрипичных ключей, что меня слегка озадачило.

— Весьма отрадно, — сказал я. — Качество и самоотверженность — это то, что требуется от нас всех. Особенно завтра.

— Да... Завтра важный день... небольшая репетиция...

— Алексей Степанович возлагает на вас большие надежды. Механошин... вроде слегка поклонился.

— Мы все организовали. Приходите со своим другом. Будет банкет.

Банкет. Мы шагали по обочине дороги. Теперь уже со стороны карьера потянулись самосвалы, и каждый окатывал нас песком. Механошин терпеливо шагал рядом, отряхивал плечи и рукава от пыли, пшикал ингалятором. Разговаривать не особо получалось, да и не хотелось, пусть Механошин разговаривает, это ему что-то нужно. Однако самосвалы ехали и ехали, джип мэра отстал, самому мэру было нелегко — пыль над дорогой ме-

шала дышать, Механошин кашлял и снова стучал себя кулаком в грудь.

Самосвалы проехали, Механошин отдышался и догнал.

— Как продвигается книга? — поинтересовался он.

Его костюм пропылился и изменил цвет в слегка кофейную гамму, обувь перепачкалась: похоже, Механошин действительно был готов на жертвы.

— По плану. Видите ли, Чагинск — непростой город, здесь трудный, плотный материал, богатая история. Забавно, обычно администрации нет дела до культуры, до истории, но здесь я вижу полное содействие.

— Да, полное содействие! — подтвердил Механошин. — Любую помощь!

— Похвально, — сказал я. — Алексей Степанович... скажем так, весьма скрупулезно относится именно к деталям, к памяти. Нам не хватает исторической памяти — так он и сказал.

Механошин энергично покивал.

— Он много спрашивал про город, спрашивал про книгу. Мне показалось, Алексей Степанович серьезно относится к этому вопросу.

— Мы давно хотели написать книгу, — сказал Механошин. — То есть не написать, а заказать кому-нибудь. Знаете, Виктор, у нас есть свои кадры, например Бородулин... но мы сразу поняли, что это не то, что нам надо... Мы были весьма рады, когда Станислав порекомендовал вас. У вас отличный список работ...

— Вы бывали в археологической экспедиции? — перебил я.

— В археологической? Я несколько... Знаете, у нас есть некоторые идеи по поводу книги...

— Да, я слушаю.

— Мы изучили образцы... другие книги исторического жанра и вот что обнаружили...

Мы с мэром сошли с дороги и шагали по тропинке к лагерю археологов, тропинка через клевер.

— Обычно в этих книгах... обычно на первых страницах... там помещаются благодарности людям... лицам... которые внесли вклад...

— Хазин уже сделал вашу фотографию, — заверил я. — В высочайшем разрешении. Не переживайте, Хазин мастер. И если у вас есть какой-нибудь депутат...

— Нет, у нас нет депутата, — покачал головой Механошин. — То есть он у нас есть, но мы сейчас не об этом. Нам бы хотелось, чтобы на первых страницах размещалась фотография Алексея Степановича. И наши благодарности, само собой...

Я хмыкнул.

— То есть мы не собираемся размещать такую фотографию без согласия Алексея Степановича, поверьте! Как вы думаете, как он отнесется к нашей инициативе?

— Трудно сказать. Понимаете, Алексей Степанович ценит прежде всего искреннее отношение...

— Мы искренни!

Механошин даже слегка забежал вперед.

— Да, несомненно, — сказал я. — Но от вас понадобится...

Я сделал многозначительную паузу.

— Искренность иного рода, — таинственно сообщил я.

Механошин достал платок и вытер потный лоб. Мы приближались к опушке.

— Я не до конца понимаю, если честно... что вы имеете в виду?

— Понимаете, Алексей Степанович любит, чтобы все было... безупречно.

Я достал из кармана клопа, показал на ладони Механошину. Механошин сокрушенно вздохнул.

— Я с них... — сказал он. — Я с них шкуру спущу...

— Теперь вы понимаете, о чем я говорю?

— Да... Кажется...

Я спрятал клопа в карман.

— Так вы участвовали в экспедициях?

Лагерь археологов состоял из одной синей современной палатки, одной брезентовой палатки, множества разбросанных лопат, ведер, грязных сапог, щеток, дров. На костре подгорала рисовая каша с килькой в томате. Я свистнул, и из кустов показался археолог, сильно напоминавший исполнителя Курта Кобейна: тощий, в драных джинсах, в задрипанном свитере и с патлами.

— Ну? — спросил Курт и закурил.

— Виктор, — представился я. — Историк. Пишу книгу про адмирала Чичагина и город Чагинск. А это мэр Механошин Александр Федорович.

— Очень приятно, — согласился Курт. — Гена, археолог.

Александр Федорович пожал руку Гене, я тоже.

— У нас богатая история, — сказал Механошин.

Гена с треском затянулся. В богатую историю Чагинска он, похоже, не верил. На деревянном ящике, исполняющем роль стола, лежал выбеленный солнцем череп.

— Занятно, — сказал я.

— Да... — согласился Механошин. — Отличный череп...

— Коровий, — пояснил археолог. — Там, наверное, скотомогильник был. На поле.

Механошин пожал плечами. Я на всякий случай сфотографировал череп.

— А еще что интересное встречалось?

Археолог зевнул, подвинул мне ведро, до половины заполненное пробками от бутылок, ржавыми гайками и гвоздями.

— А вы достаточно глубоко копали? — поинтересовался Механошин.

— А чего там копать-то? Пусть экскаватор копает, он железный...

Гена сплюнул.

— Да нет там ничего, — заверил он. — Культурного слоя нет, ничего нет, можно не волноваться... Ну, покопаем еще на всякий случай.

— Знаете, у нас много и других исторических мест, — сообщил Механошин. — Есть Данинское поле, есть Салтановская слободка, Ингирь опять же...

Археолог уныло помотал головой.

— Не, — сказал он. — Мы только здесь проверяем, на поле. Наше дело — экспертиза, чтобы тут какого, прости Господи, палеолита не обнаружилось...

Механошин поперхнулся при упоминании палеолита, видимо, он имел о нем свое представление.

— Понимаете, Геннадий, — проникновенно сказал Механошин. — Мы заинтересованы в развитии...

Я отошел подальше и сфотографировал. Мэр беседует с руководителем раскопок. В кадр попал коровий череп, но я не стал переснимать, и так хорошо. Вообще, это хазинская фишка — он любит в городских фотографиях оставлять мелкие фиги: вот вроде красивое синее здание областной промышленной палаты, но если взглядеться, то на заднем плане обнаружишь, как бомжи несут вдаль облезлый холодильник.

— Наше дело прозвонить поле, — не сдавался Курт. — Мы его прозвонили. Можете строить хоть пирамиду, заключение подпишем. Непонятно, что вас смущает...

Мне казалось, что Механошин сам плохо представлял, что его смущает. Но раз мы так долго и трудно шли через поле, надо было найти, зачем мы сюда шли.

Гена стрельнул окурком в поле.

Механошин вдруг рассказал, что нашел в детстве странный камень, им чрезвычайно удобно было колоть орехи, а потом выяснилось, что это каменный топор. Это было как раз на Данинском поле...

Он замолчал, вытер лоб платком.

Гена пожал плечами.

— Каши хотите? — спросил он.

— Да, — неожиданно согласился мэр.

Я тоже не стал отказываться, с утра не ел и не пил, так что рисовая каша с томатной килькой в компании мэра Механошина и археолога Кобейна была не самой безнадежной идеей. Мы втроем уселись на бревно, Гена разложил по мискам кашу, стали есть. Оказалось вкусно.

Механошин сказал, что примерно такое он ел в армии. Сказал, как ему там было хорошо, а сейчас не жизнь, а дерьмо морона. Так и сказал. Гена принялся хохотать, а потом спросил, не может ли мэр подвезти его до магазина, нужны веники, кто-то поручил весь экспедиционный запас. Механошин согласился, предложил подкинуть и меня, я отказался. Поснимал вокруг, получилось неплохо: мэр города и археолог Геннадий обсуждают вопросы археологии.

Они доели кашу, мэр помахал рукой, и к лагерю через минуту подкатил джип. Гена закрыл котел с кашей на походный замок, Механошин заверил меня, что мы можем быть спокойны, все будет лучшим образом.

Пора возвращаться. Я пошагал в сторону города, стараясь успеть до грузовиков.

Аглая и ее друг все еще возились с шаром, но, похоже, приближались к финишу — шар надулся, и Аглая удерживала его с трудом. Мужик в реке все так же ловил ельцов. На отмели появились старухи, они запускали в воду простыни и громко ругались на рыбака выше по течению. Освободившийся земснаряд снова углублял русло, для бумажного комбината потребуется много воды. По мосту ехал мужик на мотоблоке, в кузове колыхалась копна свежей травы, пора было возвращаться в город.

Когда я шагал по мосту, Аглая и ее друг свой шар все-таки запустили. Он на некоторое время завис над рекой, словно осматриваясь, потом спохватился и полетел к северу. Аглая и пацан махали ему руками вслед.

На обратном пути заглянул на рынок. В автомагазине купил прокладку для карбюратора. В овощном купил полкило черешни. В рыбном двух вяленых подлещиков. Думал купить еще что-нибудь, приглянулся стул ручной работы, почти решился.

Чагинск — маленький город. Когда я приезжал к бабушке, здесь проживало пятнадцать тысяч человек, но на улицах я встречал приблизительно одних и тех же. Сухорукого Калича, электрика Колмогорова, подрабатывающего печником, Колю Турова на красном «Восходе», Александрова из леспромхоза, Снаткину.

Снаткина жила на углу Сорок лет Октября и Кирова в большом доме, крашенном светло-коричневым. Федька рассказывал, что Снаткина служила снайпером и потеряла глаз во время стрелковой дуэли в Кампучии, — врал, у Снаткиной оба глаза были на месте. Федька уверял, что один стеклянный, он сам видел, как однажды глаз выпал. А про Кампучию тогда по телику показывали. Кристина же рассказывала, что зрение Снаткиной испортил муж, когда узнал, что она хочет уехать учиться, ударил по голове замороженной щукой, повредил глаз и разорвал ба-

рабанную перепонку. Глаз потом вылечили, а слух нет. А когда Снаткина выписалась из больницы, выяснилось, что ее документы муж сжег, а сам сбежал неизвестно куда. С тех пор Снаткина жила кое-как, трудилась вахтершей на хлебозаводе, приемщицей во вторсырье и сортировщицей в прачечной. Да, я почти решился на стул, но тут на рынке вдруг появилась Снаткина. Как всегда, с велосипедом и в зеленом плаще.

Снаткина немедленно заметила меня и поманила пальцем, я подошел.

— Ты зачем приехал? — спросила Снаткина. — На кладбище к бабке, что ли?

Бабушка ненавидела кладбища, ненавидела могилы, Родительскую субботу, пластиковые цветы и кладбищенские пикники.

— Приходила она ко мне, — сообщила Снаткина.

Я не особо удивился.

— Стояла... Знает, что ты здесь. Сказала, чтоб уезжал.

Бабушка не хотела, чтобы я возвращался в Чагинск. Я так и сделал.

— У меня кое-что для тебя есть, — сказала Снаткина. — От бабки твоей передача.

— Что?

— Пойдем, покажу.

Снаткина поправила зеленые глаукомные очки и покрепче ухватилась за руль велосипеда. Новый, кстати.

Никогда не видел, чтобы Снаткина ездила на велосипеде, если это и случалось, то наверняка очень давно. С велосипедами Снаткина всегда ходила. При этом меняла их регулярно, впрочем, всегда предпочитая классические модели, обязательно с мужской рамой и прочным багажником.

Мы шагали в сторону Сорока лет Октября, я боялся, что Снаткина станет расспрашивать про мою жизнь, про то, чем я занимаюсь, женился или нет, но Снаткина молчала — кажется, я ее не особо интересовал.

Минут десять мы сосредоточенно шагали по улице Любимова, не по тротуару, а по краю проезжей части, друг за другом, думаю, выглядели идиотски, затем Снаткина остановилась воз-

ле колонки, долго сливала воду, попила из горсти и сказала, что вода определенно испортилась.

— Это из-за копателей, — сказала она. — Я им говорила не копать, до горечи докопаются. Но они не послушались. На огурцах весь цвет сгорел, а как станцию построят, так и все сгорит.

— Они строят бумажный завод, — поправил я. — Самый крупный в европейской части России.

Снаткина брякнула в звонок.

— Это Механошник придумал, я знаю, — сказала она. — Помню его, сволочь, в сплавной работал после армии. Потом в техникум его мать устроила, хотя и дурак, потом в райпо. Тогда и подженился. Галина...

Галина была из Белоруссии, приехала сюда на швейную фабрику работать, через год ее бригадиром поставили, толстая баба. Познакомились они с Механошиным на танцах в Каменке, он ее сразу позвал, так и съехались. В райпо «Москвич» зеленый взяли и дом напротив Соловьевых. А мать у него коммунальщица, еще в старом коммунхозе на Спортивной работала, партийная. И Галину в хорошее место устроила, так всю дорогу и воровали...

Я подумал, не сестра ли Снаткина Люсе из «Чаги».

...И брат у него не лучше, алкоголик. На асфальтовом заводе работал, так там воровать нечего было, он стал асфальт воровать, нагрузит в люльку — и везет вечером, весь двор себе заасфальтировал. На пять лет посадили. А когда вышел, так сразу на «Яву» сел и расшибся. Но не до смерти, месяц в больнице лежал, потом хромым сделался, хромой-хромой, а по лесу как лось, если рано не выйти, все обнесет. А этот, который мэр сейчас, брат его, в область тогда учиться поехал, другую тетку там и встретил, на курсах и в области решил остаться. Галина как узнала, так поехала разбираться. Да так и не вернулась. А сам Механошин с новой женой вернулся и стал жить, а про Галину ту никто и не вспомнил, сказали, что она вроде уехала на Украину...

Мы шагали по улице, Снаткина упрямо рассказывала про Механошиных. Механошины не были коренными чагинцами, их